

**Дружба
народов**

4/2018

Сергей Маркедонов

Россия и постсоветские конфликты: стратегия или реагирование

Ситуация на постсоветском пространстве по мере углубления украинского политического кризиса (отягощенного вооруженным противостоянием в Донбассе) значительно трансформировалась. Изменение статуса Крыма фактически окончательно поставило крест на перспективах СНГ как интеграционного проекта, поскольку он базировался на признании тех границ, которые сложились между бывшими союзными республиками в советский период.

Противоречия между Россией и Западом по поводу Украины спровоцировали самое масштабное противостояние между ними со времен окончания «холодной войны». По своему воздействию оно оставило далеко позади августовский конфликт 2008 года на Южном Кавказе, закончившийся признанием независимости Абхазии и Южной Осетии (прецедент признания в качестве самостоятельных государств не союзных республик, а автономных образований). На более высокий уровень вышла конкуренция между европейской и евразийской интеграцией. Часть новых независимых государств выбрала подписание Соглашения о свободной торговле с Европейским союзом, а часть — вхождение в состав Евразийского экономического союза под эгидой Москвы. При этом и те и другие страны (Армения, Грузия, Молдова, Украина) вовлечены в неразрешенные этнополитические противостояния, а интеграционные возможности рассматриваются ими, среди прочего, как дополнительный инструмент для реализации своих интересов.

Эти новые противоречия накладываются на уже имеющиеся «замороженные» конфликты в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе и Приднестровье. Они умножают риски в сфере безопасности и сужают возможности для качественного урегулирования многолетних противоборств.

Во всех перечисленных выше событиях одна из ключевых ролей принадлежит России.

В какой степени новые, постсоветские реалии повлияли на динамику подходов Москвы к неразрешенным конфликтам? Можно ли говорить о неизменности подходов Российской Федерации к ним, и если нет, то какие факторы влияют на их эволюцию? Существует ли у Кремля некая универсальная схема урегулирования конфликтов или он действует по индивидуальным планам и рассматривает каждый кейс как уникальный?

*Этнополитические конфликты и Россия до Крыма:
«селективный ревизионизм»*

До начала украинского кризиса позицию Москвы по отношению к постсоветским конфликтам можно было бы определить как «селективный ревизионизм», то есть готовность идти вразрез с мнением подавляющего большинства стран — членов ООН относительно территориальной целостности Грузии, но при этом отказ от автоматического переноса этой позиции на другие конфликты (Приднестровье, Нагорный Карабах). У российского руководства не было общего подхода ни к этнополитическим противостояниям, ни к существующим де-факто государствам. Можно выделить три базовые позиции Российской Федерации.

Первая — признание независимости Абхазии и Южной Осетии. В Концепции российской внешней политики (2013) в число российских приоритетов было поставлено «содействие становлению Республики Абхазия и Республики Южная Осетия как современных демократических государств, укреплению их международных позиций, обеспечению надежной безопасности и социально-экономическому восстановлению». После того как в результате парламентских и президентских выборов в Грузии (2012—2013) сменилась власть, а наиболее проблемный партнер Владимира Путина президент Михаил Саакашвили покинул свой пост, в повестку дня Москвы и Тбилиси встала нормализация двусторонних отношений. Однако Москва ограничила этот процесс «красными линиями» в виде статуса Абхазии и Южной Осетии, а также «тех сфер, в которых к этому готова грузинская сторона». При этом Российская Федерация в общении с западными партнерами (формат Совета Россия — НАТО) последовательно призывала США и их союзников признавать «новые реалии» в Закавказье.

В то же время следует отметить, что вопреки широко распространенному мнению об однозначной поддержке сепаратистов Кремлем российская политика за период, начиная с 1990-х гг. и заканчивая августовской войной 2008 г., претерпевала серьезные изменения. Так британский эксперт Оксана Антоненко, характеризуя российскую политику на абхазском направлении, справедливо назвала ее «многополюсной». Напомним, что после начала первой антисепаратистской операции в Чечне Российская Федерация перекрыла границу с Абхазией по реке Псоу, а в январе 1996 г. Совет глав государств СНГ при решающей роли России и Грузии принял решение «О мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузии». В этом документе было провозглашено прекращение торгово-экономических, транспортных, финансовых и иных операций с непризнанной республикой. В 1997 г. Россия для разрешения грузино-абхазского конфликта предложила формулу «общее государство», не принятую ни в Тбилиси, ни в Сухуми. И хотя блокада против Абхазии со стороны России была в 1999—2000 гг. подвергнута существенной ревизии, окончательно режим санкций против нее был свернут Москвой только в 2008 г., незадолго до «пятидневной войны» и признания де-факто двух государственных образований.

Впрочем, это же определение можно с неменьшим основанием отнести и к Южной Осетии. Политический курс Москвы по отношению к двум де-факто государствам определялся широким спектром проблем: внутривосточной ситуацией на российском Северном Кавказе, а также динамикой российско-грузинских, российско-американских отношений и международными контекстами. Лишь в августе 2008 г., после «пятидневной войны» с прямым вовлечением российских вооруженных сил в

противостояние с грузинской армией, было принято решение о признании двух бывших автономий Грузии.

Вторая из базовых позиций РФ — участие в урегулировании приднестровского конфликта. В отличие от Абхазии и Южной Осетии здесь позиция Москвы основывалась на признании Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) не как отдельного государственного образования, а лишь как стороны противостояния, а также на признании территориальной целостности и нейтралитета Республики Молдова и сохранении переговорного формата «5+2». В этом формате Молдова и Приднестровье — стороны конфликта, Россия и Украина — страны-гаранты, ОБСЕ — посредник, Евросоюз и США — наблюдатели.

Третья базовая позиция Российской Федерации — роль в разрешении нагорно-карабахского конфликта. На этом направлении Москва была в максимальной степени готова к интернационализации процесса мирного урегулирования. Российская Федерация наряду с США и Францией входила в состав Минской группы ОБСЕ. Президенты России, начиная с 2009 г. (саммит G-8 в Аквиле) совместно с главами других государств-посредников неизменно заявляли, что разделяют консенсус относительно так называемых «Базовых принципов» как основы для разрешения многолетнего противостояния. При этом Нагорно-Карабахская Республика (НКР) Москвой не признавалась. Более того, представители МИД РФ в ходе всех избирательных кампаний в этой непризнанной республике заявляли о ее непризнании и о поддержке территориальной целостности Азербайджана. Утратив с признанием Абхазии и Южной Осетии рычаги для влияния на внешнеполитический курс Грузии, российская власть стремилась балансировать между Ереваном и Баку. И в отличие от грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликта обе стороны, вовлеченные в нагорно-карабахское противостояние, были заинтересованы в российском посредничестве. Для Армении, участника интеграционных проектов с доминированием Российской Федерации (Организация договора о коллективной безопасности, ЕврАзЭС и Таможенный союз, к которому Ереван примкнул в сентябре 2013 года), посредничество Москвы было надежной гарантией невозобновления военных действий и рисков попытки реванша. Азербайджану же сотрудничество с Российской Федерацией позволяло обеспечить дистанцию от Запада, настроенного критически в отношении внутривосточной ситуации в республике (нарушения прав человека и авторитарного правления президента Ильхама Алиева).

При этом все непохожие позиции России по отношению к этнополитическим конфликтам объединяли следующие опасения:

- процесс возможного расширения НАТО на территорию бывшего СССР и попытки использования ресурсов Альянса руководством новых независимых государств для минимизации российского влияния;
- усиление кооперации между странами, вовлеченными в конфликт с Евросоюзом, без учета российских интересов в сфере безопасности.

Несмотря на имеющиеся различия в подходах к разрешению конфликтов, для Москвы постсоветское пространство рассматривалось как сфера особых жизненных интересов. Она была готова к кооперации с международными игроками там, где это не противоречило данным представлениям. Самая крупная после России страна СНГ Украина рассматривалась как «приоритетный партнер» на пространстве бывшего СССР и потенциально важный участник интеграционных проектов, инициируемых Москвой.

Крымский слом статус-кво: новые реалии и старые подходы

События революционного Майдана в Киеве, а также свержение власти Виктора Януковича кардинально изменили позицию Москвы по отношению к «приоритетному партнеру». Почувствовав опасения по поводу превращения «буферной Украины» в важного игрока на стороне США и их союзников (а также возможный пересмотр условий Харьковских соглашений 2010 г. по базированию российского Черноморского флота в Крыму, где сосредоточено до 80% всей флотской инфраструктуры), Россия пошла на слом существующего статус-кво. Это произошло путем присоединения Крыма к Российской Федерации (в ее составе появилось два новых субъекта) и нарушения Будапештского меморандума по статусу Украины и ее территориальной целостности. В случае с Крымским полуостровом Кремль не пошел по пути повторения абхазско-югоосетинского сценария (в статусе самопровозглашенного образования Крым просуществовал менее одной недели). И хотя в риторике Москвы присутствовала апелляция к защите «русского мира» (впервые после 1991 года внешнеполитический реализм стал дополняться национальным романтизмом), российское руководство неизменно акцентировало внимание на референдуме как основе решения об изменении статуса Крыма. В итоге был создан прецедент уже не просто признания бывших автономий в составе той или иной союзной республики, а их прямого включения в состав Российской Федерации. Внешнеполитические ставки были повышены, сделан новый шаг в сторону ревизионизма.

После изменения статуса Крыма началась эскалация конфликта на Юго-Востоке Украины (Донецкая и Луганская области), где в апреле 2014 г. были провозглашены две «народные» республики (ДНР и ЛНР). Несмотря на политическое вмешательство Российской Федерации и поддержку донбасских ополченцев, Москва воздержалась от официального признания этих двух самопровозглашенных образований. И даже от прямого признания результатов референдумов (11 мая 2014 г.) о статусе Донецкой и Луганской народных республик. В то же время, в феврале 2017 г. указом Президента РФ Владимира Путина были признаны документы и регистрационные знаки транспортных средств, «выданные гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины». Именно такой формулировкой эти территории обозначены в Минских соглашениях, нацеленных на урегулирование вооруженного конфликта в Донбассе. Путинский указ стал своеобразным сигналом западным партнерам Москвы, что простого «ухода» из интересующего Россию региона не будет. Диалог возможен, и Москва продолжает увязывать его с Минскими соглашениями. Но если имплементация по-прежнему будет игрой в одни ворота и будет рассматриваться в Киеве, Вашингтоне и Брюсселе как эксклюзивная обязанность России, позиция Кремля, не исключено, будет ужесточаться.

Как бы то ни было, а действия Москвы на украинском направлении вызвали общественно-политический подъем в Приднестровье и в Южной Осетии. Руководство этих де-факто образований, а также общественные структуры внутри них надеялись на повторение «крымского сценария». В ходе югоосетинских парламентских выборов (8 июня 2014 года) победу одержала партия «Единая Осетия», а ее лидер Анатолий Бибилов выиграл президентскую кампанию в апреле 2017 года. Команда нового югоосетинского президента последовательно выступала за реализацию проекта объединения республики с Северной Осетией под эгидой и в составе Российской

Федерации. Однако после своего президентского триумфа Бибилов подверг определенной ревизии свои подходы. Под занавес 2017 года он заявил, что, поскольку его республика — единственная, кто признал независимость двух донбасских образований, объединение с Россией в силу этих условий следует отложить. При этом сама необходимость вхождения в состав РФ не ставится под сомнение.

Несколько иная ситуация сложилась в Абхазии. В отличие от приднестровского и югоосетинского проектов, нацеленных на интеграцию с Россией, абхазское руководство по-прежнему сохраняет интерес к строительству собственного национального государства (другой вопрос, насколько подобные планы реализуемы). Однако в ходе внеочередных президентских выборов в Абхазии (24 августа 2014 г.), вызванных массовыми выступлениями оппозиции (27 мая) и отставкой прежнего главы республики Александра Анкваба, победу одержал Рауль Хаджимба, лидер «Форума народного единства Абхазии», выступающий за углубление военно-политической кооперации с Российской Федерацией и практически полное замораживание контактов с Грузией. В марте 2017 года его сторонники получили большинство в абхазском парламенте.

Ключевыми событиями в политической жизни Абхазии и Южной Осетии стало подписание договоров между этими республиками и Россией. Российско-абхазский Договор «О союзничестве и стратегическом партнерстве» был подписан 24 ноября 2014 года, а российско-югоосетинский «Договор о союзничестве и интеграции» — 18 марта 2015 года. И хотя оба документа зафиксировали растущее военно-политическое присутствие Москвы в двух частично признанных республиках, их нельзя назвать в полной мере новой вехой. Они формально закрепили тот расклад, который обозначился в августе 2008 года, когда Москва из статуса участника переговорного процесса перешла в разряд патрона и гаранта безопасности Абхазии и Южной Осетии.

Вместе с тем, наряду с общими чертами, эти два договора имеют свои особенности. В абхазском случае присутствовала следующая коллизия: противоречие между стремлением к осуществлению собственного национально-государственного проекта и растущей зависимостью от российской военной и финансовой помощи. Абхазская сторона стремилась подвергнуть документ ревизии с целью сохранения преференций для себя (например, россияне не обрели права на получение абхазского гражданства, из названия документа было исключено слово «интеграция»). Югоосетинская же сторона была, напротив, заинтересована в максимальной интеграции с Российской Федерацией вплоть до вхождения в ее состав (по примеру Крыма). Эти различия объясняются фундаментальным расхождением двух проектов. Как уже было сказано, если Абхазия стремится к сохранению своей государственности (при российских военно-политических гарантиях), то Южная Осетия рассматривает независимость не как самоцель, а как переходный этап к объединению с Северной Осетией под эгидой России.

В июле 2015 года югоосетинскими пограничниками (при поддержке России) была проведена установка новых пограничных знаков на линии Хурвалети — Орчосани, в результате чего кусок стратегически важного нефтепровода Баку — Супса оказался под контролем Цхинвали. В настоящее время пограничный пост Южной Осетии располагается всего в 450 метрах (!) от автомагистрали общекавказского значения, связывающей Азербайджан, Армению и Восточную Грузию с ее собственными черноморскими портами и Турцией. Однако Россия в то же время последовательно уклоняется от постановки вопроса об изменении нынешнего статуса Южной Осетии и о возможном пополнении государства путем присоединения нового субъекта.

Несмотря на регулярные инициативы о вхождении в состав (они выдвигались наиболее активно в 2016 году), прежний подход, основанный на де-юре признании независимости двух бывших автономий Грузинской ССР, продолжает работать.

Тем не менее, Москва не пошла по пути мультипликации крымского сценария. Ввиду резкого обострения отношений между Москвой и Киевом серьезно ухудшилось положение Приднестровья (не имеющего общей границы с Россией, но граничащего с Одесской областью Украины) в транспортно-логистическом, политическом и экономическом отношениях. В этой ситуации Российская Федерация опасается «разморозки» конфликта, включая и эвентуальную военную конфронтацию, и полную деградацию переговорного процесса, что заставило бы жестко реагировать, а значит, и подвергаться дополнительным рискам (от экономических санкций до вовлечения в вооруженное противоборство). В новых условиях Россия предполагает сохранять определенное пространство для маневра, ставя свои возможные действия в зависимость от вероятных шагов своих партнеров по формату «5+2». Так еще 20 октября 2014 г. глава МИД РФ Сергей Лавров на открытой лекции по внешнеполитическим вопросам заявил: «Если Молдова теряет свой суверенитет и поглощается другой страной или если Молдова меняет свой военно-политический статус на блоковый с нейтрального, то приднестровцы имеют полное право принять решение о своем будущем самостоятельно. И мы будем эту базовую позицию, с которой все согласились, с которой все началось, отстаивать».

При этом и Киев, и Кишинев предпринимают попытки «выдавить» Москву из мирного процесса как посредством дискредитации российской миротворческой операции, так и посредством создания барьеров для снабжения ОГРВ (объединенной группировки российских войск — наследницы 14-й армии) в Приднестровье. Молдавский Конституционный суд 4 мая 2017 года постановил признать Приднестровье оккупированной территорией, фактически игнорируя Соглашение от 21 июля 1992 года «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова». Мирное урегулирование, на которое четверть века назад соглашался и Кишинев, предполагало фактическое отчуждение части молдавского суверенитета над левым берегом Днестра (а также большей частью правобережных Бендер). В июле 1992 года в зону вооруженного конфликта были введены миротворцы. Для наблюдения за выполнением условий мира была создана Объединенная контрольная комиссия (ОКК) из представителей Молдовы, Российской Федерации и ПМР. При этом наиболее важные решения должны были приниматься на основе консенсуса.

Сегодня Кишинев, видя растущие проблемы в отношениях между Украиной и Российской Федерацией (а Приднестровье, напомню, граничит не с Россией, а имеет порядка 400 км границы на украинском направлении), готов к ужесточению своих позиций. В декабре 2017 года в фокусе информационного внимания оказался проект правительства Республики Молдова, посвященный путям и методам реинтеграции Приднестровья в общее политико-правовое пространство единой страны. Одним из центральных положений этого документа является идея об «интернационализации мирного урегулирования» и трансформации миротворческой операции в международный полицейский формат. Но даже в этом контексте до сих пор Москва не включает в повестку дня вопрос об официальном признании Приднестровья. Не ставится под сомнение и территориальная целостность Молдовы. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов выборы в парламент этой страны. Они состоятся в 2018 году. Поскольку Молдова — парламентская республика, исход именно этой кампании предопределил

основные политические расклады в ней, равно как и внешнеполитические приоритеты Кишинева на ближайшие годы.

Особая статья — Нагорный Карабах. В апреле 2016 года ситуация вдоль линии соприкосновения конфликтующих сторон резко обострилась. За 22 года с момента вступления в силу Соглашения о бессрочном прекращении огня (12 мая 1994 года) произошло самое крупное вооруженное столкновение с использованием танков, авиации и крупнокалиберной артиллерии. И хотя после четырех дней боестолкновений начальники генеральных штабов Армении и Азербайджана при посредничестве России подписали в Москве перемирие, напряженность в зоне конфликта сохраняется (режим прекращения огня нарушается постоянно), а ни один из статусных вопросов, как и проблема беженцев, по-прежнему не решены. И угроза повторения апрельских событий сохраняется. Не прекращаются и вооруженные инциденты меньшей интенсивности. Самыми опасными стали столкновения вдоль армяно-азербайджанской границы в декабре 2016 года, а также на линии соприкосновения сторон в Нагорном Карабахе в феврале, мае, июне и октябре 2017 года.

Во многом это стало возможным из-за растущего противостояния России и стран Запада, которые в урегулировании именно этого конфликта многие годы успешно сотрудничали. Тем не менее, с начала украинского кризиса стали ощущаться стремления каждой из участниц Минской группы ОБСЕ к проведению собственной миротворческой деятельности. К таковым можно отнести выступление американского дипломата Джеймса Уорлика. Его «элементы урегулирования» были представлены как план правительства США в мае 2014 года. В этом же ряду — трехсторонняя встреча президентов РФ, Армении и Азербайджана в Сочи в августе, переговоры глав двух кавказских республик с госсекретарем Джоном Керри в рамках саммита НАТО в Ньюпорте в сентябре, а также встреча президентов Армении и Азербайджана при посредничестве французского президента Франсуа Олланда в ноябре 2014 года. Репутация Минской группы как некоего единого координационного посреднического центра серьезно пошатнулась, хотя никакого иного формата посредничества не предложено. Более того, посредники проявили солидарность и в период апрельской эскалации 2016 года, и после нее. Так 9 апреля они сделали заявление, в котором обозначили три основных элемента урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе. В отличие от «обновленных Мадридских принципов», рассматриваемых в качестве фундаментальной основы мирного процесса, эти «апрельские тезисы» носят более общий характер и включают в себя «неиспользование силы, право народа на самоопределение и территориальную целостность». По оценкам сопредседателей, все эти три элемента обладают одинаковой приоритетностью¹.

Тем не менее, в конце 2015 года к факторам дополнительного риска для нагорно-карабахского конфликта добавилась российско-турецкая конфронтация. Сложность (и опасность) этой проблемы определяется прежде всего мощными взаимосвязями закавказских стран — участниц конфликта с Турцией и Российской Федерацией. И если для Баку Анкара — это стратегический союзник, осуществляющий взаимодействие по широкому спектру вопросов от энергетики до обороны и безопасности, то для Еревана — стратегический противник, закрывающий одну из четырех сухопутных границ — выходов Армении во внешний мир. Москва же, напротив, — важнейший военно-политический партнер Еревана (102-я база российских вооруженных сил

¹ Минская группа ОБСЕ заявила о трех принципах урегулирования карабахского конфликта // <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/280576/> 9 апреля 2015 г.

расположена в Гюмри на армяно-турецкой границе). Улучшение отношений между Российской Федерацией и Турцией в июне 2016 года стало определенным дополнительным фактором удержания ситуации в Нагорном Карабахе от новой, более масштабной «разморозки».

Однако, несмотря на эти изменения и даже самую масштабную за 22 года военную конфронтацию в зоне конфликта, российское руководство принципиально не поменяло ни одного из своих прежних подходов к карабахскому урегулированию (статус НКР, роль Минской группы и участие в ней). Оно лишь сделало незначительную коррекцию, фактически выступив за дополнение переговорного формата трехсторонними встречами с участием лидера РФ. Впрочем, после встречи в Сочи в 2014 году эта идея не была последовательно реализована. Ее, скорее, можно рассматривать как некую декларацию о намерениях, которая, не исключено, еще получит продолжение.

В поисках адекватного реагирования

Таким образом, принципиальные изменения в российско-украинских отношениях, а также растущая конфронтация Российской Федерации и Запада не повлекли за собой тотального слома прежних подходов Москвы к постсоветским конфликтам. Эти подходы по-прежнему определяются не столько универсальными схемами, сколько индивидуальными позициями. Там, где Москва чувствует угрозу выгодному ей статус-кво (как это было в Абхазии и в Южной Осетии в 2008 или в Крыму в 2014 году), она играет на обострение и обращается к ревизионистским инструментам. Там же, где сохраняется надежда на удержание имеющегося сегодня статус-кво (случай с Приднестровьем, Нагорным Карабахом, Абхазией и Южной Осетией после 2008 года), Москва не спешит менять правила игры.

Так, в случае с приднестровским конфликтом Россия надеется на внутривнутриполитический раскол в молдавском истеблишменте, неэффективность проевропейской коалиции, наличие пророссийского электората как в республике в целом, так и в отдельных регионах страны (Гагаузская автономия), и поэтому лишь выражает обеспокоенность украинскими оборонительными приготовлениями на де-факто границе с непризнанным Приднестровьем и запретом Киева на военный транзит из Российской Федерации в непризнанную республику, но не пытается выйти из имеющегося переговорного формата или ускорить процедуру официального признания ПМР.

После ухода от власти Саакашвили Москва заинтересована в прагматизации отношений с Грузией (особенно по вопросам безопасности в северокавказском пограничье). Отсюда и нежелание форсировать ирредентистские¹ устремления югоосетинского руководства. Свой прежний курс на балансирование между Арменией и Азербайджаном Россия также поддерживает, опасаясь утраты влияния в обеих странах после случая с Грузией в 2008 году. При этом Баку может быть использован как возможная площадка для выстраивания прагматических отношений с Турцией.

Следовательно, доминирующей мотивацией Кремля является не некая идеологическая программа или всеобъемлющая геополитическая стратегия, а

¹ Ирредентизм — политика государства, партии или политического движения по объединению народа, нации, этноса в рамках единого государства.

реагирование на изменяющиеся обстоятельства (эрозию постсоветского пространства, проникновение новых игроков, опасение утратить свое влияние). Однако, как бы ни планировал Кремль свои диверсифицированные подходы, они объединены опасением утраты позиций на постсоветском пространстве, которое по-прежнему мыслится в качестве зоны жизненно важных интересов России. Но главными недостатками самой этой защиты являются дефицит стратегии и приоритет реактивных тактик в решении имеющихся или вновь возникших конфликтов.

На сегодняшний день самыми опасными с военной точки зрения являются конфликты в Донбассе и в зоне нагорно-карабахского конфликта (к ней примыкает и армяно-азербайджанская госграница за пределами Карабаха). На этих направлениях России и Западу крайне важно продемонстрировать готовность к солидарной ответственной деятельности как по минимизации инцидентов на линии соприкосновения, так и по активизации мирного процесса. И в этом плане был бы крайне важен некий символический жест, демонстрирующий готовность представителей России и Запада к продолжению усилий по поиску мирного решения. Но если по Карабаху кооперация продолжается несмотря ни на что, то по Донбассу Москва и Вашингтон расходятся диаметрально. В контексте решений о передаче вооружений Киеву (даже если их эффективность не будет столь высока, как уверяет украинская сторона) сближение позиций выглядит практически нереальным. При таких обстоятельствах «заморозка» конфликта выглядит едва ли не как идеальный выход, хотя и тактический по сути.

В описанных выше условиях чрезвычайно важной задачей представляется недопущение критического обвала двусторонних российско-грузинских отношений. Базовым приоритетом текущего момента представляется сохранение Женевских дискуссий как канала взаимодействия между участниками неразрешенных конфликтов и всеми игроками, вовлеченными в мирный процесс.

Для приднестровского противостояния необходима активизация переговорного процесса и в формате «5+2» и в двусторонних отношениях (Москва—Кишинев, Москва—Тирасполь, Москва—Брюссель). При этом помимо статусных вопросов крайне важно сосредоточиться на гуманитарных аспектах во взаимоотношениях между двумя берегами Днестра.

Однако в сегодняшних условиях прогресс в урегулировании всех этнополитических конфликтов невозможен без учета украинского фактора. Кризис на Украине обнажил не только проблемы постсоветского пространства, но и уязвимость европейской и международной безопасности. Стало очевидно, что конфронтация Запада и России и продолжение «игры с нулевой суммой» ведут к усугублению нестабильности на постсоветском пространстве. В этой ситуации Западу и России крайне важно выйти из состояния «заложников» конфликта на Украине, перейдя к содержательной дискуссии как по положению дел в этой стране, так и по другим неурегулированным противостояниям. Без этого любой постсоветский конфликт обречен на подвешенное состояние, при котором стороны, вовлеченные в него, будут наблюдать за балансом сил в противостоянии Запада и России, а не стремиться к достижению компромиссов. Решение этой задачи не может отменить даже нынешняя конфронтация, которую все чаще называют «холодной войной-2».

Василий Крюков

Путь слова

Дом

Мы давно хотели дом в деревне купить. Пусть худой, старенький, денег бы наших только хватило. Чтобы и руками что-то поделать, и чтобы дети городские по травке побегали. Однажды мы вычитали где-то в сети, что в Вологодской области дом дешево продается, в суете какой-то с хозяином по телефону поговорили, сорвались, приехали, а из первой же избы вышли пьяные люди и говорят нам: «Мы вас-то знаем, уходите отсюда!» Мы отвечаем им: «Да откуда же вы нас знаете, вы нас с кем-то спутали». — «Нет, — говорят, — не спутали, давайте, проваливайтесь...»

Ну, мы постояли, постояли, а потом развернулись и назад через поле осеннее побрели к неизвестному автобусу, обидно было, да еще супруга моя на сносях, с животом огромным. Это так нам дом в деревне купить не терпелось. И однажды отправился я на север уже Тверской области. В интернете сразу два дома нашел в одном районе, созвонился с молодым риелтором местным и поехал.

Первый домишко задней частью своей в землю совсем ушел, так, с фасада — вроде дом стоит, но если сбоку его обойти, тогда понятно, насколько он в землю ушел. Русская печь накренилась. Вида с боку в интернете не было. Ну и ничего, ведь деревня, деревня — это еще важнее, чем дом, а деревня-то живая. Гусарево. Домов мало, жители к нам вышли, стали что-то рассказывать, деревеньку свою нахваливать. Красиво, холмисто, и деревья старые, и поля, и озеро сильно заросшее, большое — в несколько километров, и все оно в протоках реки Мологи, все в птичьих криках. Соседняя деревня — Бежицы, с церковкой, это древний, исторический центр всего района...

Я уже думаю, ну как хорошо, а просевший дом и подвесить можно, и вывесить, и перебрать, но тут выясняется, что хозяин дома прячется. Узнал, что у риелторов цена в десять раз выше, чем его собственная, и телефон свой отключил, уже не первый день на связь не выходит, перепугался, мало ли что, или запил не по телефонному, или просто решил не связываться.

Жалко, но делать нечего, и поехали мы в другую местность еще один дом смотреть, и тоже ничего из этого не вышло. Мне деревня совсем не понравилась. Важно ведь, чтобы место было местом, чтобы тебе хотелось именно здесь обосноваться, опять сюда вернуться и т.д.

Голые поля, обломки бетонных коровников, вдоль светлой, как мука, дороги в два ряда ровно тянутся похожие дома, ровные огороды, первый дом — председателя, на доме спутниковая антенна, рядом с домом «волга» черная стоит, а соседний дом тот, что продается. И цена высокая, и не впишемся мы сюда, не потянем мы такие мощные и ровные гряды, и борщевик везде вокруг, в общем, распрощался я с риелторами и отправился ни с чем восвояси, уставший, поникший и расстроенный.

Да, думаю, раз нет на то Божией воли, значит так и надо жить в городе, ни о какой деревне не мечтать. Туманный сентябрьский день приближался к концу. Километров двадцать я от Бежецка отъехал, вокруг струился холмистый покой, и вдоль дороги деревеньки попадались. Женщины стояли рядом со своими домами, продавали бруснику, яблоки и картошку.

Дом не купил, брусницы немножко детям куплю. Останавливаюсь, покупаю бруснику и лишь немного с людьми разговорился, а мне и подсказывают, есть дом. Тут от трассы километров пять, на горе, и церковка там есть старая. Когда цену мне назвали, я невольно ответил: «А чего же дешево-то так? Документы не в порядке, что ли?» — «Да все в порядке, просто не нужен дом стал хозяевам. Деревня называется Лозьево».

Поехали мы дом смотреть. Дорога в гору. На высотной доминанте стройный храм в коротком вечернем солнце. Руина храма так изящна, так еще крепка, и крест есть над руиной.

Храм Никиты Мученика был построен в самом начале XIX века, Никиты Мученика центральный алтарь, а приделы Образа Матери Божией Знамение и Илии пророка. С горы в остывающем медленно воздухе красота зыбко трепещет на десятки километров.

Продающийся дом пять лет пустой простоял, окно одно разбито, крыльцо уехало, угол подвешивать надо, но в целом крепкий дом, бурьяны вокруг выкосить, все и оживет. Восточные окна выходят прямо на храм, и солнце на храме.

Печь живая еще, «металлисты», конечно, покорежили слегка, вырвали плиту, дверцы да колосники выломали, но подлепить, все вставить можно, печь растопить, послушать треск поленьев, это однажды становится тем, ради чего и стоит жить. Вспомнить про огонь. Протянуть к нему руку...

Проводка вся обрезана... но мне вокруг как-то все больше нравилось, проводка — это дело поправимое. Какой, зато, обломок жернова в траве! Такой руками не покрутишь, тут лошадь нужна, а может быть поблизости стоял большой ветряк. Проблем здесь с ветром нет. Заросшая и полупустая деревня в облаках летит, или это просто небо очень большим здесь кажется. Деревня. Зимовали в этом году три дома.

В середине XIX века село Лозьево было в триста домов, тогда даже трапезную в Никитском храме увеличивали. В начале XX века это еще большое село на 150 дворов, но постепенно остается 70, 30, сегодня мы насчитали 15 изб, сильно разбросанных одна от другой. В трех зимуют, две пустуют, в остальных — дачники жизнь поддерживают. Во всем пожары виноваты. Пожары времени. Пожары места. Здесь место огнеопасное. Травы на ветру сохнут рано. Здесь подобие хутора, один от другого метров за двести, а то и за пятьсот живет.

Вековые осокори, липы, ничейные яблони, торчащие черные ребра обрешетки какого-то мертвого дома, и все это рыжевато-седым быльем плотно заросло. Люди здесь добрые, гостеприимные. На первых порах мне как новожилу всячески помогали. И с каждым годом я все больше узнавал, осознавал, как здесь свободно, пустынно. Просторно. Ветрено. Здесь птиц разных много. В конце западного склона есть озерцо, осенью вокруг него ночуют журавли, а весной токуют бекасы, издавая незнакомое горожанину протяжное блеяние. Августовскими ночами молодые кулички с немецкими именами спят стайками прямо на проселочной дороге. В лесу легко поднимешь тетерева, в поле — куропатку. Журавли перед ночевкой кричат громко, на километры простреливает пронзительный минор. А как токуют дикие лесные голуби, крупные, сильные вяхири! Они наполняют весенний воздух нежными гортанными голосами и в характерном параболическом полете исполняют кувырок с хлопком крыльев. Ласточки живут в каждом доме.

Осенью мы с Саввой на автобусе сюда приехали, прошлись полями-перелесками пять километров в горку, ему лет десять, одиннадцать было. У него каникулы осенние,

интересно ему все: сад в полный рост заросший, на чердаке двора сена старого несколько тонн, в доме мусора всякого море, и сколько диковинных коромысел, хомутов, ухватов, клубков грубых ниток и обломков ткацких станков.

Храм величественный и изящный, колонны разных ордоров на каждом следующем ярусе колокольни. Высокое строение в классическом стиле с элементами барокко невольно отстраняется от серых сараев, крытых замшелой дранкой, отплывает от черных изб, крытых и толем, и старым шифером, и с порывом ветра летит над деревней.

Остаток свода над трапезной рухнул этой зимой, но сама церковь крепкая, стены толстенные, окна вставить, полы настелить и служить во славу Божию. Колокольня еще доступна для реставрации. Только бы крышу прикрыть, уже жизнь и потечет, а там, глядишь, и шпиль с крестом найдется. Глядишь...

В соседнем селе Константинове отличная церковь стоит пятиглавая, закрытая, сухая, открывай да служи. Так закрытая и стоит, ждет своего открывателя. А соседнее то село, по сравнению с Лозьевым, многолюдное, там уже и железная дорога, и школа недалеко. В Бежецкой епархии сегодня священников совсем мало. Святых мест гораздо больше...

Я печь весь день правил, но и к поздней ночи в ней еще дырки оставались, ну что ж, говорю, сынок, пошли на сеновал спать. Холодно, но все ж заснули, просыпаемся, а вокруг белым-бело. Снег первый выпал. Белый, как лен ангелов. К обеду дымок из трубы пошел.

Мальчишка чувствует весь простор здешний, носится и кувыркается в высоких зарослях сухой травы, украшенной первым снежком. А сколько было радости, когда среди каких-то тряпок мы нашли пробку электрическую, смастерили времянку, и в доме лампочка загорелась.

Акты, найденные в архиве московского Богоявленского монастыря свидетельствуют, что в 1511 году и эта гора, и селище на горе было вкладом Василия Третьего и собственностью московского Богоявленского монастыря.

В 1937 году в нашем храме отслужил свою последнюю литургию иеромонах Софроний Харитонович Несмеянов, преподобномученик.

Он из донских казаков был, от властей, от обновленцев притеснения терпел. И во многих храмах служил священником, и монашескую мантию носил ту, что есть радушное снесение клеветы и напраслины. Прямой человек был, прямо к Богу направлялся. Здесь, на горе, односельчанам в 37 году всю правду о себе, о жизни рассказывал, и его предали. Он путем Христовым прошел. Теперь и гора, и прекраснейшая руина изящного храма, и крест на этой руине — все это теперь под сенью молитв преподобного существует.

Нигде не могу пока найти фотографий святого Софрония, а они, скорее всего, должны быть, когда его мучили и расстреляли, ему было 67 лет.

Возле храма старое кладбище, в проходах между могилами, в кустарнике, всюду видны наклоненные, выветренные головы могильных камней другой эпохи, вот чья-то эпитафия под углом уходит под землю, уходит своим текстом про землю благословенную, вот чей-то отполированный камень 1830 года...

Надо испросить благословение, знающих людей поспрашивать, как поклонный крест вырезать, поставить. Пусть небольшой, но вырезать, с планками в форме крыши, стройный, строгий. Валуны скатить, водрузить с молитвой. И какие именно слова должны быть на этом кресте.

Преподобне отче Софроние, моли Бога о нас грешных. Памятуют преподобномученика 3 ноября, молебен бы у креста хоть иногда служить, тогда и руину храма язык не поднимется руиной называть, когда поблизости стоять будет свежий поклонный крест.

Прудик святой надо откопать. Старожилы показывают поросшую ивовой лозой низину за черненькой банькой. Здесь пруд был, святой назывался, в нем купаться никому не разрешали. Крестили, служили молебны водосвятные. Надо бы лопатой копнуть, вдруг жилка откроется. В разгар советских времен к пруду этому были не равнодушны многочисленные трактора и бульдозеры. Сейчас все сильно заросло кустарником, лишь небольшая лужица собирается под ивовым кустом.

Человек в небо посмотрел и увидал звезду, когда в пустой деревне дом купил, а оказалось, здесь святое место...

Аистов надо привлечь, макушку сухому тополю убрать, колесо тележное туда приладить, а к колесу веток крупных веревками навязать, чтобы на основу гнезда все походило. В соседней деревеньке аисты-то есть. Была бы только воля Божия.

Савва

Загородный дом, яблоневый сад. Беременная женщина вешает светлое белье в саду на фоне темного дома. Повсюду много яблок, и на деревьях и на земле, август, яблочный год. Женщина не торопится, поглядывает на яблоки, на небо, вслушивается в голос какой-то птички, собирающейся в дальний путь. Женщина на последнем месяце беременности, и все уже ей дается с трудом, взгляд глаз ее тревожен, она ждет чего-то. Она кричит, иногда слегка вскрикивает: ой! Хватается за живот, уносит пустой бельевой таз в дом.

Савва смотрит на маму из открытого окна, потом опять в свою книгу, продолжает что-то читать, потом поднимает глаза, смотрит на икону Божией Матери с Младенцем. На голубом фоне — Мария в вишневых ризах, Спаситель в охристом хитоне. Краски мягкие, скромные, золота на иконе нет. Глаза Марии ни на кого не смотрят, они всматриваются куда-то в глубину собственной святой души.

Лучи света на полу в гостиной. Полупустое, свободное пространство интерьера. Одинокaя мебель, несколько картин и икон на однотонных стенах. Беременная женщина у стены гладит утюгом, оставляет утюг и выходит на середину комнаты. Огромный живот освещен падающим из окна светом. Лицо ее взволнованно, она зовет Савву: «Савва, Савва, иди, потрогай, как твой братик разыгрался!»

Он слегка поддерживает руками живот, чувствует, как с той стороны живота кто-то дергает ручкой или ножкой, отводит взгляд от мамы и смотрит на икону на стене. Младенец лицом Своим касается щеки Матери.

Савва играет на компьютере или переписывается с друзьями «в контакте», временами он отворачивается от монитора и заглядывает сквозь коридор на кухню. Там взволнованный отец названивает по телефону. У него из рук падают какие-то вещи, какие-то книги, он бесцельно бродит по комнатам, звонит в роддом, а никто не подходит к телефону.

Ночью мы узнали, что родился Нил. Мы долго не ложились спать, а когда легли, Савва слышал, что отец не спит, и сам не мог заснуть. Уже светало, по стенам стали проявляться первые тени утра, он встал, подошел к окну, смотрит: отец сидит на корточках, прислонившись к столбу крыльца спиной, курит.

Отец сказал ему, что не переживал так сильно, когда они с Варей рождались, он сказал, что чем старше становишься, тем больше за рождение детей переживаешь.

Дождь, мокрые стены серых высоких домов. Обширный мокрый двор многоэтажного родильного дома. Две-три красно-белые машины скорой помощи. Две маленькие фигурки под зонтами. Они стоят уже несколько минут, жестикулируют, размахивают своими зонтами. Все их внимание приковано к единственному окну на пятом этаже. Там мама держит Нила на руках. Издалека сквозь дождь виден лишь силуэт матери с младенцем.

Дождь, Савва читает книгу, смотрит в мокрый сад, а потом на икону на стене, икона ему кажется темной, он ничего не видит, встает, подходит поближе к иконе и рассматривает Божию Матерь с Младенцем.

Выписка из роддома. Цветы. Белая стена и новая дверь с блестящей ручкой. Дверь открывается, и мама вся в слезах, мама плачет от радости, говорит сквозь слезы: «Вот и мы!»

Лицо Нила. Нила так запеленали, что видны одни глаза. Нил ни на кого не смотрит, он пока еще смотреть умеет только внутрь.

Все пытаются хоть краешком глаза заглянуть в сверток с ребенком. Бабушка говорит: «Красавец!»

Цветы, поздравления, хлопают двери машин, все едут домой.

Августовский вечер, в саду — тихий семейный праздник, стол, снедь, бутылки с вином, светлая скатерть, дымок маленького костерка.

Всё это Савва видит из окна, поворачивается, а прямо перед ним — образ Мадонны с Младенцем, Нил сосет грудь, лицо мамы в красных пятнах, но глаза ее, глаза спокойны, счастливы, этого счастья у нее не отнять, это видно по ее взгляду, и смотрит она куда-то в глубину своей души...

Нил и Нил

О Ниле Сорском я узнал из его маленькой «книжки», и эта маленькая «книжка про скитскую жизнь» меня так удивила своей краткостью, что я подумал, вот если даст Бог мне второго сына, я его Нилом назову. И сын у меня родился. И мама еще до его рождения знала, что он Нилом будет, имя ей нравилось. Она тихо плакала от волнения, когда я забирал их из роддома. Новорожденные, как известно, по сторонам не смотрят, они и головкой-то особо не вертят, да и слышат они что-то отличное от нашего. Нил только грудь сосал и спал, глаза его были темнее и синее, нежели сейчас, и смотрели они в первые после рождения дни куда-то скорее внутрь, нежели наружу...

Отец сей дивный Сорский Нил родился в XV веке. Рода он был боярского, образование получил хорошее, уже в юности он занимался переписыванием книг. Он получил имя свое в честь Нила Синайского. Через Нила Синайского до нас дошло духовное толкование самой первой заповеди, данной Богом Адаму еще в раю. Адам должен был райский сад возделывать и хранить. Сад райской благодати трактовался Нилом Синайским как молитвенная радость, как свет созерцания, а возделывание и хранение как труд молитвенный, как умное делание. Делание есть восхождение к созерцанию, как сказал Григорий Богослов. Отец сей чудный Сорский Нил учил нас в сердце Бога тайно *пети*. Тайно и всегда. А сам он научился у Господа, Апостолов и предшествующих Отцов. В первую очередь, конечно, он учил «тех, кто его же нрава», потом и всех остальных.

Его «Устав о жизни в скиту», «Предание о жизни скитской» зовут человека проникнуть внутрь сознания. Нил проникает до самой глубины душевной и показывает в деталях весь процесс очищения помысла, достижения просветления и чистоты сердечной. К себе в скит он брал только тех, кто понимает, о чем он говорит и пишет, тех, кто видел свет созерцания или хотел увидеть больше всего на свете...

Нилку мы крестили в Ферапонтове. В деревянной церкви Нила Сорского, срубленной недавно, недалеко от стены монастыря. Церковь свежая, светлая, светло-соломенная, Нил розовый, масляный, завернут в белую ткань...

Раньше я ничего о Ниле Сорском не знал. Но коль северная наша Фиваида есть ожерелье, рассыпанное среди озер, лесов, рек и речушек, то на Вологодчине сразу четыре маргарита закатились в одно место: Кирилло-Белозерский монастырь, Ферапонтов монастырь, Горицкий девичий монастырь и Нило-Сорская пустынь —

четыре разных обители в шестистах километрах к северу от столицы. Три жемчужины сияют воочию, наглядно, но вот последняя, она излучает свет таинственный, потому что там, у Нила Сорского, сумасшедший дом. Необычное лечебное заведение, психоневрологический изолятор, убогий и нелепый, мирским людям маловходный, и мощи святого таятся под спудом этого дома странных мира сего. Из соседнего Ферапонтова всего 20 минут на машине, но когда вы сюда попадаете, создается впечатление, что от цивилизованного мира вас отделяют сотни миль.

Когда Нил пришел на Сорку, здесь была неприглядная болотистая низина посреди еловых дебрей. Верст пятнадцать от «мирской чади» и шума каменного строительства в соседних монастырях. Несколько человек, близких по нраву, присоединились к нему. Селиться можно было по одному, друг от друга «на вержение камня», так, чтобы не было слышно, если брат, например, поет или молится, или громко плачет. Вместе они натаскали земли на сухое место и построили маленькую церковку, освятили ее во имя Сретения Господня. Подельем в Ските Нила Сорского было переписывание книг.

Если мы посмотрим на Нила Сорского как на филолога, посвятившего жизнь собиранию, переписке, изучению духовных книг, сверке параллельных текстов, то схожий труд увидится нам в XVIII веке у Паисия Величковского, а в XX — у Феофана Затворника, авторов-собрателей «Добротолюбия» славянского и русского соответственно. Но если «Добротолюбие» — сборник многотомный, то Нилов устав удивительно краток, и хлеб фиваидский — пища твердая.

Мы оказались здесь с друзьями, нас было четверо. Монастырская каменная застройка — низкая, формальная какая-то, усугубляющая характер болотистой низины. Вдоль обшарпанно-белой монастырской стены дорога, черная от угольной крошки, и как часовой на воротах, парень стоит в спортивной одежде. Ворота приоткрыты. По другую сторону дороги — домик, но не жилой, общественный, и в нем нас встречает крепкая женщина — начальник и комендант. Осень была уже в расцвете, кукушки и многие другие птицы улетели, многие, но не все.

«Нет, — сказала нам эта женщина, — внутрь вам нельзя, у нас тут специальное учреждение, вы что? Вот, можете на скит сходить».

Ну и пошли мы на скит, парень-часовой нас и проводил, нормальный, в общем-то, парень, у него просто сопля большая из носа висела, а когда он ее убрал, вообще все на место встало. Он о себе рассказал, о том, что вокруг происходит. Он после детского дома сюда попал, сюда его, значит, «распределили». И по всей вероятности, пожизненно. Жилья не дали.

А на воротах монастырских проводник наш стоял, так сказать, на шухере, потому что возле монастырской стены деревенька, и если начальство какое приезжает, то всех пациентов нынешней Ниловой пустыни быстренько обратно загоняют, по местам расставляют, а если тихо всё, то выходить некоторым можно, по деревеньке погулять, на велосипеде прокатиться, ведь постоянно за стеной — тяжело. Так что и деревенька там не простая. Убогих тут человек двести. Разные люди с разными историями, кто приبلудный, кто эпилептик, от кого родители отказались. Ну и местные. Раз в неделю молодое хулиганье так напивается, что из Кириллова полиция приезжает. Вот такая лечебница. Суровая пустыня...

Пока мы шли к скиту, проходили какой-то гараж, в нем дед и подростков бритоголовых десятков, у деда, как на рекламе «голуаз», все лицо синим раскрашено, один подросток вышел к нам на дорогу, спрашивает: «Вы откуда?»

— Мы из Москвы.

— А как про нас узнали?

За деревню метров двести — и плотная стена елового леса, возле самого леса большой свежий крест. Рядом маленький прудик, прямо лужица, только глубокая. Нил своими руками выкопал. Я почерпнул воды, выпил. Провожатый наш достал сигарету,

закурил. И вдруг наступило умиротворение, настоящее умиротворение, все поняли, куда, зачем ехали и шли, и что пришли наконец, поняли...

Нилок больше всех любит старшего брата Савву. Они с ним в какую-то одну нишу детства попадают. Только начал говорить, все Фава да Фава, а где Фава? Савва с ним возится, борется, кувыркается до пота, настоящий друг. Савва Нила драться научил, Савва Нила кидаться вещами научил, все родительские шишки, понятное дело, Савве достаются. В общем, куда Савва, туда и Нил, а если Савва один пошел, то Нил — реветь...

Иван Грозный увидел «убогость» пустыни уже через 60 лет после преставления Нила и задумал каменный храм здесь возвести. Нил явился царю во сне и запретил, и царь послушался. Все постройки оставались деревянными до первой трети XIX века. Рядом с поздней каменной монастырской постройкой Ниловой пустыни, в лесу два деревянных скита было. Успенский и Предтеченский, последний сгорел здесь в прошлом веке, сейчас только свежий крест и прудик, пятьсот лет назад выкопанный. Вот и весь скит. Дионисий с сыновьями расписывали храм в соседнем Ферапонтове как раз тогда, когда поблизости Нил подвизался. Историкам пока не удалось документально подтвердить факт их встречи, но не будем исключать той возможности повидаться с чудесным старцем, которая была у художника. И видел ли Нил свежие фрески?

На сайте вологодской епархии я узнал, что изредка, когда автобус с паломниками приезжает издалека и если среди паломников находится священник, женщина-комендант может разрешить паломникам попасть внутрь «изолятора» и отслужить там молебен. Разрушенная церковь перестроена под столовую, здесь убирают столы, моют пол, вешают на стену икону Нила. При виде священника многие «пациенты» подходят под благословение. Паломники перестают обращать внимание на внешнее, лишь только начинается молебен, так сильно чувствуется Нилово благодатное присутствие.

В словах Марка Подвижника скрыта тайна, слова эти такие: самоуничижение есть место внутреннего покоя. Нил эту тайну знал. Он сам обрел покой души в смирении и говорил об этом остальным. Он говорил о скромности во всем, о том, что церковные сосуды и облачения должны быть самыми простыми, что не стоит наживаться за счет чужого труда, что нет добра в том, чтобы всем человекам угождать, и не забудем, как он спасал еретиков в огненное время. Нил Сорский говорил, что будет стараться, чтобы имя его не прославлялось в миру как при жизни, так и по смерти. Это нам как пример смирения, а впечатление складывается, что мы буквально все воспринимаем. Лукавому хочется накрыть учение Нила колпаком, но Господь прославляет его, чтобы мы увидели свет его.

Нил помогает томящимся здесь отверженным. Государство не возьмется распутать клубок столь разнообразных недугов, устроить каждому сухую палату, простую заботу, и Нил помогает калекам да обманутым. Болезни их душ и тел самые разные, но что их здесь объединяет, в этой болотистой низине? То, что многим из них уже никогда не вписаться в наш мир. В нашем мире только они и достойны этого святого места. Они, наверное, ни воровать, ни лгать, ни деньги откатывать, ни на других людях наживаться не умеют, умалишенные. И вот здесь рождается чудо об умалишенных. Потому что а нас-то мы как назовем? Нет, нам не скрыться за тем, что «умное делание» в истории часто переживало как подъем, так и падения, и на Синае, и на Афоне, и в Ниловой пустыни было это. А потом ситуация менялась, и пустынь вновь сияла подвижниками. Но наше время с каким знаком в эту историю войдет? А что, если там среди этих двухсот «закрытых» есть хоть один, кто по смирению носит маску юродства Христа ради? И даже без всяких предположений, говоря самым простым языком, мы находим во всем этом пример любви. Сострадание к этим «заключенным» в итоге перевешивает все остальные умозаключения...

Святые знают друг друга. Любят друг друга. Святой может через много лет опять прийти, как с Исааком Сириянином случилось. Он полторы тысячи лет назад жил.

Одна его книга на славянском языке давно была у нас читаема, а другие на персидском, на арабском, ну никак не переводились, и вот вдруг в XX веке — пожалуйста. Нил знал Исаака Ниневийского. Святые друг о друге вспоминают. Один про другого может многое порассказать. Спросим Игнатия Брянчанинова, он о Василии Поляномерульском расскажет, спросим Василия, он нас к Нилу пригласит, Нил укажет на ранних святых Отцов греческих, африканских, палестинских пустынников, но все они нам возгласят, что если мы любовь разыскиваем, то искать ее надо у самих учеников Христовых, у Апостолов.

Сорская пустынь при Ниле была скитом-скрипторием и книжным детелищем. Сам же Нил очистил себя до прозрачности, чтобы нам было легко увидеть смысл христианской традиции. Он сохранил ее в чистоте, передал ее последующим поколениям, и в этом море веры, в этой прозрачности видна несказанная глубина его любви.

А Нилка вчера расшалился так, что засунул в нос железный шарик. Диаметром аккурат в ноздрю. И вытащить его, естественно, не может. Шарик застрял в носу. Сначала Нил плакал, капризничал, но быстро понял, что ситуация какая-то необычная, что ни мама, ни папа помочь ему ничем не могут, может только он сам. А для этого ему из всех сил надо «дуть» носом. А он никогда специально носом не дул, поначалу ничего и не выходило у него, и он все срывался в слезы. Потом понял, стал дуть, почувствовал, что надо делать, чтобы шарик вытолкнуть, но силенок у него не хватило, и он опять расплакался, на этот раз от обиды, что ничего не удалось. Я уж думал, придется везти его в Филатовскую. Но он в третий раз приступил, и я даже удивился ему — столько в нем было решимости и силы. «Дуй! дуй!» — кричали все вокруг. Он поднатужился — и выдул шарик из носа. Победил его. А я смотрел и думал: как, с одной стороны, близко, а с другой — далеко от Нила до Нила. Много раз ему еще побеждать себя. Целую жизнь.

Я слабый исследователь и прошу молитв у Нила преподобного. Сыну моему младшему уже четвертый год, он не слушается, озорничает, а мне нужно научить ребенка читать, любить слово, ведь жизнь и смерть во власти языка, и любящие его вкусят от его плодов. Мне нужно научить его разбираться в написанном, исследовать прочитанное чувством сердечным, а когда он вырастет и поумнеет и если Бог ему поможет, то он поймет, что *словеса Господня чиста, яко сребро разжеено и очищено седмерицею, и заповеди Его светлы и возжеленны паче злата и камня честна, и услаждают паче меда и сота, и хранят я, и внемлют сохраняют я, воспримут воздаяния многа...*

Журавли во льне

Я крою задний скат крыши скотного двора толем, отбил большой палец на левой руке, на эту желто-серую посыпку, которой посыпан толь, у меня аллергия, но между ударами молотка иногда высоко в небе я слышу голос редкого кулика, не чибиса, не зуйка и не кроншнепа. С горы мне виден Бежецк, в синей дымке — малюсенькая заводская труба, километров пятнадцать от меня — пыльный городок, где на въезде — тюрьма, из которой двое сбежали недавно.

В городке есть детские приюты, и в главном соборе — икона Божией Матери Сиротской. Есть в том храме и другая Богородица, на Толгскую похожая. Не Толгская, просто похожая. Пресвятая Богородица. Пресветлая. Висит эта большая темная икона в том углу, где лавка церковная, чан блестящий с пластиковым стаканчиком, ведра для уборки собора и стол со свечными огарками, но Глаза... и остаются, и теряются, и хочется опять в Них робко заглянуть, и всякий раз...

Рядом со мной сено и дрова, ласточки и журавли. Даже альпийская ворона с красным изогнутым клювом. Откуда на тверском севере альпийская ворона? Богу всё

возможно. Иссиня-черная, она чуть меньше серой вороны, много грациозней, она быстрее серой вороны. Она успевает раскопать муравейник в песке под молодой сосной, проглотить множество муравьиных яиц, перелететь к другой молодой сосне, копнуть там другой муравейник и, характерно каркнув, улететь прочь, проделав всё это за какое-то мгновение.

Сено, дрова, ржавая кровельная жесь. Смотрю с крыши, одну красоту вижу. Суровая, тихая красота пустой деревни. Ольховая оранжевая поленница, бурая прошлогодняя скирда. Жесь видится уже потом, позже, когда человек освоится, когда сможет как-то осмыслить, понести.

В начале апреля напал на Иру бешеный барсук, я его вилами да обухом взял, пока с вилами подлетел, Ира кричала, а Нил плакал у нее на руках. Хорошо, холодно было, валенки помогли, мы только приехали, снегу нет, Ира замерзла, в валенках по весенней земле ходила. Ну он валенок-то прокусить и не смог, так только вцепился и давай теребить...

Бабу Маню зарезали. Добрая-то, добрая, да только одновременно и корову продала и пенсию получила. Парня соседского в «рулонник» затащило. Учительницу завалило бревнами с лесовоза. Как бабушке грустно станет, как долгий плач ее послушаешь, суровая жизнь.

Недавно пастух молодой, совершенно пьяный, по центру скоростной автомагистрали ночью на велосипеде ехал, по сплошной белой линии. В свою деревню возвращался тихим зигзагом в последний раз...

Такой увидел я вчера деревню. Стоит крепкая русская женщина в резиновых сапогах, в спортивных полинявших штанах, она у калитки своей стоит, выпила с мужиками рюмку, ну и что, сейчас только обед, ей еще два раза корову доить, да бычок еще, внучата, огород еще, она своё отпотеет. Вдруг иномарка старенькая появляется, выходят два худеньких человека, не местные, один выкрикивает: «Слава Господу!» Другой достает синенькие книжечки. Евангелие. Тот, что выкрикнул, берет у другого книжечку, подходит и говорит деревенской женщине: «У нас есть подарок для вас!»

«Я сейчас тебе покажу подарок», — отвечает она быстро, негромко.

Человек отворачивается от нее, выкрикивает, поднимая руки: «Слава Господу!» Пospешно направляется к другому двору, шагами большими, какими ходят на той планете, откуда он прибыл в восторге первых веков. Космодромы за океаном, говорят, много...

Расскажешь трактористу про репрессии, про новомученников российских, и видишь, что не понимает его как-то особо, а потом понимаешь, да его этой жостью 1937 года и не проймет, как тебя. У него тут своя, свежая.

Простая, проще уж некуда, без всякой политики, но если осмыслить верно, от матерной грубости здешней, от всей суровости этой молиться внимательнее станешь, внутрь себя отвернешься. Отвернешься легче, нежели от прекрасной картины. Задумаешься, зачем отцы искали суровую пустыню. Внутрь себя еще внимательнее посмотришь. Здесь, в деревне вранья-то поменьше, чем в городе. От суровости и лицемерие бежит...

Говорю о том, что вокруг меня, пытаюсь обозначить на полотне пустынного раздолья цветные точные акценты, но и это не путь, ведь главное то, что внутри. Хочется внутрь посмотреть, да не можется. Все обрывается на фразе, на нескольких фразах. Деланье плачевное. Открой глаза мне, Господи.

Самое большое событие этого лета — святитель Игнатий Брянчанинов. Я что-то рубил, косил, клинья какие-то подбивал, лишь к августу взялся за двухтомник «Аскетических опытов». Пошел по верному пути. Слово за словом. От книги может произойти чудо, вера может стать чуть-чуть крепче, но это чуть-чуть — дорого, если мерить горчичным зерном.

Святой Игнатий шел к Нилу Сорскому, Исааку Сириянину и Пимену Великому, шел и пришел. Это Твой дар — увидеть бессмертных людей, понимать, слышать их, учиться у них. Святой Игнатий душу мятую мою утюгом разглаживает...

Это все монахи, а тебе помалкивать надо. Их прозрения обусловлены образом их святой жизни, а тебе что до того, ты всю зиму на постели валяешься с книгой в руках, да и летом ничего толкового не сделал. Давно уже знаешь, что надо отказаться от помыслов и мечтаний в пользу молитвы. Отказаться от воспоминаний и самых красочных впечатлений в пользу молитвы, почувствовать узость верного пути...

Я как тот, вдвойне несчастный, который и монахом не стал, и в миру ужиться не может...

Я кошу ручной косой, легкой, я громкую бензокосилку не люблю, отбиваю косу на обухе старого колуна, в итоге, на самом краю лезвия делаю узким концом молотка маленькие редкие зубки, несколько штук, не коса, а пила выходит, режет траву с правильной такой, едва заметной легкой вибрацией. Я не сам дошел до такого знания о косе, люди подсказали, простые люди, но с опытом этим уже за спиной...

В июне утром журавли во льне...

Я в юности художником стать хотел. У меня отец — художник, это сейчас он худой и беззубый в постели лежит, а вообще-то он всю жизнь рисовал, лепил что-то, конструировал, прямо чувствовалось, что дар у него такой есть, и он всю жизнь его тратит, а дар не кончается.

В детстве мне хотелось повторять то, что делает он, казалось, что так и у меня должно получаться. Мне нравилось крутить ногой гончарный круг, вдыхать запах живописного масла, запах скипидара, с помощью киянки резать стамеской по сухой вишнево-черной яблоне.

Если яблоневое дерево вымерзает от сорокаградусного мороза, древесина его уходит в каштановые оттенки, а частично и чернеет. Когда она хорошо просыхает, она становится твердая, как кость, срез от стамески плотный идет, глянцевый, дерево поблескивает. Слетает, конечно, сначала стамеска, руку в кровь больно ранит, но все равно яблоня мороженная хороша, она, как темная яшма, и прожилки светло-лимонные, как самшит.

Витражи из цветного стекла и бетона, с которым, как с глиной, надо работать руками...

Его примером я был подстегиваем на поиск прекрасного, а само понятие — художник, со временем это понятие как-то разрасталось.

Однажды я понял, что художник-то он, а не я. У него свои шаги, своя живопись, мысли и характерные черты, а у меня все иначе.

Дорога, тропка в лесу, в чаще душ людских, от отца к отцу, и светлый помысел напоминает, что никого так называть не надо...

Я думал, что слово — это тоже материал, из которого можно ваять и лепить. Оказалось наоборот, оказалось, что слово лепит человека, одухотворяет. Слово как мечом разделяет отца с сыном по плоти.

Сначала я писателей читал самых разных, меня занимал поэтический образ, привычный речевой оборот мог увидаться с другой стороны, но осмысления, одухотворения живого не было до тех пор, пока я святых отцов не услышал. Сжалился над моим поиском Господь и дал услышать.

Мира Христова не было, потерян был он, вот душа умириться и не могла, искала, да только плохо видела то, что искала, когда же отцы добавили света, слово уже стало обращаться в хлеб...

Бывает, на опыте проверишь, а потом об этом прочтешь, бывает, прочтешь, а потом на собственном опыте проверишь, и все это на одном пути. На этом пути мне святитель Григорий Богослов помог, есть у него статья о поэзии, «О стихах своих» называется. Святитель Григорий в небольшом тексте тайну поэзии раскрывает,

вдохновляет того, кто предается словесному искусству, он говорит, что если чувствуешь талант, пусти его в рост, направь его в доброе русло. *Да и как тебе, человек, пиша по дольным понятиям, изречь несомненное слово?*

Когда доброе со временем окрепнет, красное слово, как подпорка, отнимется от свода, и останется самое доброе...

Святитель Игнатий Брянчанинов открывает мне глаза на то, что происходит со мной. *Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии; но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление.*

Полями засеянными путешествуешь, колос в руках растираешь, когда поучаешься в книгах. Упрек книжников и фарисеев Учитель объясняет на уроке милости. Здесь говорят языками, это путь слова. Этот сад и возделывает и хранит сугубый плач. Сугубый дождь. Все лишившие себя наставлений на этом пути упали как листва поздней осенью.

Святитель Игнатий примечает, что каждая книга имеет свой дух, свой запах, и его собственная книга как фимиам покаяния. Верный дорожный знак. Звезда кормчего. Слеза путеводная...

Святитель говорит, что правящий ладью по морю святоотеческому видит единство.

Это их согласие, согласие чудное, величественное. Осмнадцать веков в устах их свидетельствуют единогласно единое учение, учение Божественное! Когда в осеннюю ясную ночь гляжу на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами, столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания отцов. Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распущенными парусами, подобными белым лебединым крылам, судов, бегущих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания отцов...

Мы живем в благодатное время потому, что во множестве сейчас издаются бесценные святоотеческие книги, издаются и продаются, и доступны каждому. Так было не всегда. Только бы прозреть, Господи, чтобы увидеть слово Твое, а еще для того, чтобы видеть дремучий лес.

Лес понятий дольных, мнений людских, лес самых разных книг и кинофильмов. Стволы, как книги, ветви, как мысли, и капли росы в паутине, как чистейшей прелести чистейший идеал, а тебе, как тому, кто бежит из тюрьмы, надо пробираться сквозь эту паутину на восток. Ты снимаешь паутину с лица, но вскоре вновь попадаешь лицом в паутину.

Ты знаешь, что если ты бросишь молитву, то тебя поймают. Чуждая, встречающая нагло мысль пытается прервать твоё внимание, и ты сечешь ее косою молитвы. Невидимой слезой смываешь. Во время краткой передышки смотришь на стог сена, видишь старые потемневшие дрова, бросаешь беглый взгляд на ржавую кровельную жесьть.

«Школа диалога народов России: литература и жизнь»

На протяжении многих лет в программах и учебниках литература народов России была достаточно широко представлена в диалогическом взаимодействии с русской литературой, а принцип общности духовно-нравственного содержания родной и русской литературы являлся основополагающим при изучении литературы в национальной школе. Сегодня же имена Р.Гамзатова, Ю.Рытхэу, М.Карима, Д.Кугультинова, М.Джалиля и других поэтов и прозаиков многонациональной России далеко не всегда входят в культурное поле современного подростка.

В 2017—2018 гг. Автономной некоммерческой организацией «Центр дополнительного профессионального образования — «АЛЬФА-ДИАЛОГ» (Санкт-Петербург) при поддержке Фонда президентских грантов и совместно с журналом «Дружба народов» был проведен конкурс творческих работ учащихся в рамках Всероссийского проекта «Школа диалога народов России: литература и жизнь». Одна из его ключевых идей — создание условий для межнационального диалога через диалог национальных литератур. Проект призван привлечь внимание ученых, учителей, общественности, государства к проблеме изучения вершинных произведений литературы народов России в курсе школьного образования.

Участникам конкурса были предложены три направления:

1. сочинение на литературную тему;
2. сопоставительный анализ переводов художественного текста;
3. национальная литература и кино.

Было получено более 600 творческих работ из 66 регионов нашей страны. В списке победителей 26 работ. Три из них публикуются на страницах «ДН».

Елена ЯДРОВСКАЯ,
д.п.н., директор АНО «ЦДПО — «АЛЬФА-ДИАЛОГ»,
руководитель проекта

Кристина Гайдарлы,
ученица 8 класса средней школы №3, г.Новочебоксарск, Республика Чувашия

«Жизнь дана на добрые дела»

Представления о добре и зле в чувашском и русском фольклоре

Знаете ли вы такой народ,
У которого сто тысяч слов,
У которого сто тысяч песен
И сто тысяч вышивок цветет?
Приезжайте к нам — и я готов
Это все проверить с вами вместе.

Народный поэт Чувашии Педер Хузангай

Синие зимние сумерки опускаются на Тахмеево. Тахмеево — это деревня в Чебоксарском районе Чувашской Республики, где живет моя бабушка Михайлова Зинаида Евстафьевна. Вернее, прабабушка, но я ее называю бабушкой, бабулей. Вот и кончились выходные, и мы уезжаем в родной Новочебоксарск. Милая моя бабушка! Что поделаешь?.. Мне завтра — в школу, Кирюше — в садик, а маме — на работу... Ты

выйдешь проводить нас и, как всегда, благословишь в добрый путь: «Ырапа суремелле пултӑр» (Чтобы добро с вами в дороге было). И обнимая, каждому на прощание тихо скажешь: «Пил сӗре ахаль укмест, умра пулатӑ» («Благословение на землю не падает, с вами будет» — так звучит эта чувашская пословица по-русски). Теперь можно тронуться с места в дальний путь со спокойной душой, зная, что все будет хорошо. А ты, прислонившись к калитке, долго стоишь и смотришь нам вслед, пока мы не выедем на «большую» дорогу.

Вот уже не белеет в потемках твой платок, исчезают очертания твоего небольшого деревянного дома с ажурными резными наличниками на окнах (прадед искусным плотником был). Мы уезжаем, и мне грустно от мысли, что тебе одной возвращаться в опустевшее жилище. Но знаю, унывать ты не будешь — сядешь перед телевизором и займешься каким-нибудь своим любимым делом: будешь плести кружева, вышивать какие-нибудь новые узоры или вязать теплые варежки кому-то из детей и внуков.

Идет ли за окном осенний нудный дождь или завывает в трубе злая зимняя вьюга, в твоём доме всегда радостное лето, потому что повсюду — на кровати, диване, лавке — горы вышитых подушек. Одни подушки как белоснежные полянки с яркими цветами, другие — с разными линиями и геометрическими фигурами: на них полосы, зигзаги, многочисленные квадраты, треугольники, круги самых разных цветов и оттенков. Эти не простые фигуры, ведь чувашский узор — знаковое письмо, шифр-послание наших предков с особым смыслом. Например, линиями обозначен жизненный путь, рисунками животных — труд, старание. Некоторые узоры — это имена людей, названия сел и деревень. И каждый цвет имеет свою сущность: красный — это цвет счастья, зеленый — природы и жизни, желтый — солнца, синий — волшебства, черный — земли. Все эти цвета особенно ярки и выразительны на белом, символизирующем чистоту, правдивость и мудрость. Чуваши считали, что вышивка бережет человека от болезней и бед, поэтому в избах не было не украшенных узорами тканых вещей.

Твои волшебные руки, бабушка, умеют все: испекут вкуснейшее хуплу, подадут на стол теплое парное молоко, за ночь свяжут для меня носки... Неслучайно для бабушки самый почитаемый человек — это трудолюбивый, а самый неуважаемый — ленивый. «Еслеме юратакана сынсем хисеплене (Кто любит труд, того люди уважают)», — любишь ты повторять чувашскую пословицу. «Ватанман юмӑс пулна, ўркенмен аста пулна (Бесстыжий становится знахаркой, неленивый — мастером)», — говоришь мне часто. Ты сама всегда в работе и нам не позволяешь без дела сидеть. Например, Кирюшина обязанность — кур покормить и яйца собрать. Меня научила вышивать и вязать. Конечно, можно, например, и в магазине варежки Кирюше купить. Но разве на них будут узоры, ни на какие другие не похожие, только для него придуманные?

Ответственное отношение к любому делу, аккуратность мы тоже у тебя перенимаем. Ты любую работу делаешь с удовольствием. Эти чувашские пословицы как будто ты придумала и пустила в жизнь: «Ес вӑл пурнаӑс илеме» (Труд — это украшение жизни), «Тӑрӑшсан сӑрт синче те тулӑ пулатӑ» (При старании и на горе можно вырастить пшеницу). И мы с Кирюшей стараемся, чтобы ни бабушке, ни маме за нас не приходилось краснеть, чтобы бабушка не восклицала: «Ял мен калать!» (Что на деревне скажут!). В школе я успеваю учиться отлично, в танцевальную студию хожу, в этом году стала заниматься живописью, домашних дел не боюсь, с Кирюшей вожусь... А иногда бывает, не заметит мама моих стараний. Нахлынет тогда обида. Но вспомнишь, бабушка, твои слова: «Сынсем пурнассӗ хесенсе, вилессӗ курентерсен» (похожая пословица есть и на русском языке — «В тесноте люди живут, а в обиде гибнут»). И думаешь: а разве ты для дифирамбов старалась? Вот мама никогда не жалуется, хотя часто в две смены работает, с нами все свободное время проводит, бабушке помогает... «Ежедневно угощай мать блинами, испеченными на своей ладони, — и то не отплатишь ей добром за добро, трудом за труды» — вспоминаю я звучащую как заповедь чувашскую пословицу (тоже от тебя, бабушка, ее впервые услышала). За нашу маму ты стоишь горой, потому что всегда была ей вместо матери. Я смотрю, как мягко, доброжелательно и вместе с тем строго ты одергиваешь Кирюшу, когда он пытается спорить с мамой: «Аннуне ниһаҫан та хирӗҫ ан кала» (Не перечь никогда матери).

Твоя речь изобилует пословицами и поговорками. Ты черпаешь народную мудрость, как из бездонного колодца с чистой водой, и чем больше оттуда берешь, тем больше, кажется, ее там прибывает. Много из того источника вошло в мою

исследовательскую работу «"Мать" и "Отец" в русских и чувашских пословицах», которую я защищала на республиканской научно-практической конференции студентов и школьников. Это была уже вторая моя работа, посвященная изучению фольклорных традиций двух родных мне народов. Чем больше я занимаюсь изучением народного творчества, тем интереснее становится это занятие. Я замечаю, как за это время обогатилась моя речь: точная рифма, простая форма, краткость делают пословицы и поговорки запоминаемыми и необходимыми в речи. «Сахал пупле, нумай итле, юлхав ан пул, сынран ан кул, шут сáмахне сёкле, пусна питё ан сёкле (Болтай меньше, слушай больше, ленивым не будь, над людьми не смейся, шутку принимай, голову не задирай)», — услышит Кирюша от меня совет, если начнет хорохориться. Это чувашское народное пожелание маленьким детям Кирюша уже и сам наизусть выучил, и концовку обычно мы, смеясь, проговариваем хором. Мне Кирюша еще может перечить, а с пословицей не поспорит: «На пословицу и на правду суда нет». Потому как пословицы не доказывают — они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное — твердая истина.

...Далеко на горизонте видно зарево от огней Новочебоксарска. Спит безмятежным сном Кирюша, прислонившись к моему плечу; мелькают за стеклом машины темные силуэты лесочков и пригорков, а у меня перед глазами встает вчерашний вечер с хуплу, самоваром, неторопливыми разговорами, и в душе звучит твоя негромкая песня:

Уй варринче лаштра юман,
Атте тесе, ай, кайрāм та.
Килех, херем, ай, темерё,
Чун, хурланчё, макāртāм та.
Уй варринче, чечен сāка,
Анне тесе, ай, кайрāм та.
Килех, херем, ай, темерё,
Чун, хурланчё, макāртāм та.

Посреди поля — раскидистый дуб:
Отец, наверное. Пошла я к нему.
«Иди ко мне, дочка», — не сказал он;
Душа моя опечалилась — заплакала я...
Посреди поля — красивая липа,
Мать, наверное. Пошла я к ней.
«Иди ко мне, дочка», — не сказала она;
Душа моя опечалилась — заплакала я...

Тебе, рано оставшейся без отца, лишенной семейной поддержки-защиты, очень близка эта песня. Она как молитва: и пожалуешься в ней, и повинишься, и душу свою облегчишь, и камень с души сбросишь.

Кирюше не нравятся грустные песни.

— Бабуля, почему ты скучные песни поешь? — говорит он недовольно.

А эта грусть — возможно, сохраненная нашим небольшим народом память о тяжелой судьбе с горестями и бедами на долгом и нелегком пути. А может быть, и потому часто наполнены твои песни скорбью, что детство твое пришлось на военные годы. Тебе было восемь лет, когда воскресным днем 22 июня 1941 года страшная весть обошла всю деревню. Война для тебя — незаживающая рана. Ты говоришь с болью о своих односельчанах: о тех, кто рядом с тобой, не поднимая головы, работал в тылу, и о тех, кто не вернулся в родное Торхеево с полей сражений. Вот как живые встают в рассказе твоя тетя Агриппина и ее муж Анисим: «Поженились они перед войной. Красивые, веселые были оба. Она, провожая его на фронт, так рыдала, как будто уже навек прощалась. Многие тогда расставались со своими родными, но никто так не убивался. Похоронку Агриппина получила месяца через три после проводов. В том же году у нее и Юрка родился. Замуж она больше не выходила, да и не за кого было: мужиков в деревне не осталось, всех война прибрала. Одна сына вырастила. Не видела я только с тех пор, чтобы она веселым смехом залилась. А петь она была мастерица. Едем, бывало, с ней вечером с сенокоса на телеге, она лошадей правит, песню поет и плачет:

Аста каян, чекес, сумар витер,
Ик сунату витёр шыв юхтарса?
Аста каян таван каса хирёс,
Ик кусунтан куссуль ай юхтарса?

(Куда летишь, ласточка, сквозь дождь,
Сквозь оба крылышка воду проливая?
Куда идешь, родной, в далекий путь,
Из обоих глаз слезы проливая?)

А я, глупая девчонка, слушаю ее песню-плач, и до того мне ее жалко, что сама начинаю реветь. И все мечтала я: а вдруг случится чудо, и однажды постучится отец Юрки в окошко. Ведь были же случаи: солдата погибшим считали, а он вернулся живой...»

Тех, с кем могла бы ты поделиться памятью о прожитых годах, осталось очень мало. Поэтому ты всегда очень трепетно относишься к приходу гостей: и твоих односельчан, и родственников, с кем можно вспомнить любимые песни или просто поговорить. Особенно мне нравятся вечера, когда к тебе приходят подруги из фольклорного ансамбля «Телей», солисткой которого ты и сама была много лет. Обычно такие встречи проходят зимой, и песни на них могут звучать одна за другой часами. Когда протяжно звучит древняя песня-символ «Алран кайми аки-сухи», богатая оригинальными образными сравнениями, особенной аллитерацией:

Алран кайми аки-сухи!
(Плуг-соха вечно в руках!)
Асран кайми атти-анни!
(Отцы-матери вечно в памяти!)
Ая-ай-ай, ая-ай-ай
Асран кайми пёлеш-тантэш!
(Знакомые-ровесники вечно в памяти!)
Пуринчен пахи ял-йыш, пускил!
(Всего дороже односельчане-соседи)
Ая-ай-ай, ая-ай-ай
Ай ёсер-и, ай сиер-и,
(Не выпить ли нам, не поесть ли)
Виличчен пёрле ай пурнар-и?
(До самой смерти вместе не пожить ли?) —

по-особому торжественными и сосредоточенными становятся и поющие взрослые, и притихшие дети. Медленный темп, торжественность слов, распевы, широкое дыхание делают ее понятной и тебе, и маме, и мне... В этой протяжной песне, дошедшей до нас из глубины веков, мне видятся и дедушка Василий, хлопочущий о своем хозяйстве, и трудолюбивая прекрасная Нарспи, героиня одноименной поэмы классика чувашской поэзии К.В.Иванова «Нарспи», и печальная Агриппина... В этой песне думы и чаяния всего трудолюбивого чувашского народа, преклонение перед родителями, призыв жить в мире с собой и людьми.

Поете вы за столом обо всем, что вам дорого и близко, размышляете о скоротечности человеческой жизни:

Пахсан — шалт телентем:
(Когда ввысь да глянул — вдруг удивился)
Кайах хурсем каяс картине,
(Дикая гуси улетают вереницей)
Шухашласа ларсан — шалт телентем
(Когда, задумавшись, сидел — вдруг удивился)
Самрак емер иртсе те кайнашан,
(Тому, что молодость пролетела).

Поете и лирические песни о добрых делах, которыми человек будет памятен:

Лайах лаша юртать те — сулсем юлать,
(Хороший конь бежит да — дорога остается)
Ыра сынсем вилет те — ят юлать,
(Добрые люди умирают да — имя остается).

Поете о нежности к родной земле, которую, как и другие народы и национальности, испытывают чувашки:

Аста канна пырсан — пер те уйях,
(Куда ни пойдешь — везде одна да луна)
Ху сурална сёршив — сав лайях,
(Но свой родной край — лишь тот хорош).

Весь вечер звучат народные песни, живой голос народа. И я чувствую себя защищенной и одновременно сильной среди близких людей, которые собрались вместе и исполняют родные для всех нас песни. Для каждого этапа вечера своя мелодия. Обязательно в конце вечера гости споют радостные песни, в которых поблагодарят за гостеприимство, пригласят к себе:

Инес сула каймаллине манса каятпар
(Забываем в гостях у родных,
Таван патне ханана ай килсессен.
(Что домой в дальнюю дорогу надо собираться).
Кёрекере ларса та ай саванар.
(Порадовались вместе,
сидели на самом почётном месте).
Ларса саванар, тусла каласар
(По-дружески беседовали).
Ёмёр хаварт иртсе каять, тусла пуранар.
Ларса саванар, тусла каласар.
(Жизнь проходит быстро,
будем дружно жить и вместе веселиться...).

Поют на этих встречах все. Неслучайно русский музыкант и этнограф В.А.Мошков писал, что чувашки, как ему кажется, — один из самых музыкальных народов. Он писал, что из чувашек ему не доводилось встретить ни одного человека, который не пел бы своих родных песен. Чувашки умели петь и умели ценить певцов. Об этом и рассказ известного чувашского писателя М.Н.Юхмы о певце Саргамыше. Легендарный певец попадает в плен к жестокому и беспощадному Удаману. Но грозный атаман падает ниц перед певцом и приказывает своим соратникам: «Поклонитесь этому человеку. Он юрӑс! Певец!» Подобные безымянные певцы донесли до современников и оставили нынешнему поколению бессмертные творения: сказки, легенды, предания, песни... «Трудно представить себе что-либо прекраснее, лучше и очаровательнее, чем чувашские песни..., песни спасут чувашский мир — как лучшее из творений, как самое сокровенное из духовных богатств народа», — писал чувашский ученый, педагог и писатель Г.Н.Волков.

«Бабуля, откуда вы знаете столько песен? У кого научились?» — спрашиваю я тебя. «Предки передали, от дедов пришли они, — говоришь ты о песнях. — Люди радуются, и песня радуется; люди печалются, и песня грустит. Без нее жизнь чуваша пуста, бесцветна, для него песня — язык души. А знаешь, сколько песен у нас сложено о самой песне? "Не петь — так кровь свернется, не говорить — так язык станет тупым", — пели наши родители». С.Максимов, известный чувашский композитор и народных песен, записал их около двух тысяч! Только от одного известного чувашского певца Гаврила Федорова им записано около 700 песен. О певцах-исполнителях, о музыкантах чувашки говорят: «Камалепе пуян сын» — «Душой богатый человек», а о песне — «Юра — чун эмеле» — «Песня — лекарство для души».

Космонавт №3, дважды Герой Советского Союза, любимый сын чувашского народа Андриян Григорьевич Николаев сказал: «Человек, если помнит главные песни своего народа, никогда не перестанет быть его настоящим сыном».

Моя бабушка Зинаида, ты тоже истинная дочь своего народа. В твоих песнях сливаются с любимыми мелодиями слова родного языка, повторяются краски и линии

родной природы в узорах твоих вышивок, которые не пылятся в сундуках, а в будни и праздники радуют всех своей неповторимой красотой.

Вспоминаю тебя в день свадьбы твоей внучки Лены. Ты по этому поводу достала из своего заветного короба праздничное белое платье, надела яркий атласный фартук, украшенный кружевами и вышивкой. На голову надела хушпу, головной убор замужней чувашки, расшитый бисером и монетами, шею и грудь украсила май сыххи — праздничной нагрудной подвеской. Повязала на боку одновременно три вышитых пояса с цветными помпонами: один — на платье, другой — на напуск платья, а третий — на фартук. И сделалась такая яркая, такая красивая! Как к лицу был тебе этот праздничный наряд! А какой мелодичный звон издавали монетки на хушпу, когда ты вышла на середину зала, прошлась по кругу и исполнила свой такмак, шуточную короткую песню — пожелание молодым: если возьметесь, мол, вместе, железо обломаете; если ударите ногой, можете гору разрушить... Разные песни и пляски украсили эту свадьбу: свадьбу, которая соединила чувашскую девушку Лену и русского парня Сашу. Для этого случая и я в разучила танец «Барыня» (спасибо за помощь Елене Васильевне, руководителю нашей танцевальной студии!). В этом задорном танце мне хотелось передать русскую душу: показать в легких прыжках ее удаль и широту, а в нежных и утонченных движениях — ее лиричность. А невеста, исполняя чувашский народный танец «Линка-линка», заворожила всех не сложностью танца, а изяществом. Ничего лишнего в ее движениях не было: словно белая лебедушка, плыла она в роскошном свадебном платье, очаровательны и грациозны были движения ее нежных рук, которые она, как и полагается при исполнении этого танца, не поднимала выше груди. Голову с достоинством приподняла, глаза скромно опустила... Не оторвать глаз! Тут и подружки поддержали ее и тоже включились в танец. В России искренне выражают свои чувства и переживания, потому любят петь и танцевать все, делают это охотно, с удовольствием. К концу вечера общие песни и танцы всех объединили, всех перезнакомили и подружили.

А теперь в молодой семье Лены и Саши растет маленькая Анечка. У ее мамы и папы, даже у ее бабушек, нет времени петь ей колыбельные песни и рассказывать сказки. На помощь пришли незаменимые люди — прабабушки. И конечно же, вы, бабушки и прабабушки, во внучке души не чаете, поете ей колыбельные на двух языках: на чувашском и русском.

Ачине — паппине,
Лаптăк, лаптăк сăпкине.
Ашшĕ кайна пасара,
Кулач илсе килет-ха,
Амаш кайна сьрлана,
Сьрла татса килет-ха.
Паппа ту, паппа ту,
Няня сине паппа ту.

Чтобы деточке поспать,
Колыбельку покачать.
Папка пошел на базар,
Калач купив, вернётся;
Мамка пошла по ягоды,
Ягод нарвав, вернётся.
Засыпай, засыпай,
На постельке засыпай —

поешь ты, бабушка Зина, монотонно покачивая малыша.

«Спи да усни,
Золотиночка моя,
Золотиночка моя,
Жемчужиночка моя.
Вырастешь большая,
Будешь в гости ходить.
Тата приедет,
Калачей привезет,
Мама приедет,
Конфетки даст», —

баюкает внуку бабушка Лиза.

Но на каком бы языке ни пели баюкальщицы, под песни, от которых исходит добро и счастье, Анюта засыпает быстро, блаженно улыбаясь под ровный ритм, спокойную напевность. Чувствует: ее любят и папа, и мама, и бабушки, и тети... Наши Арины Родионовны ей предрекают счастливое будущее: «Будешь, Анечка, большой, будешь в золоте ходить, чисто серебро носить», и маму с папой не велят забывать: «Вырастешь большой, будешь мамочку кормить, будешь тятеньку поить». Бабушки хотят видеть внучку трудолюбивой и умной:

Уж мы Анечку разбудим,
На работку поведем.
Баюшки-баю!
На работку поведем.

Когда бабушки поют колыбельную, во всем доме наступают покой и тишина. Только слышно, как довольный кот Тимоша мурлычет. Он тоже к воспитанию малышки отношение имеет: Тимоша очень терпеливый и ласковый, Анечка таскает его и за хвост, и за уши, а он не сопротивляется... Неслучайно в русских колыбельных бабушки Лизы кот часто является действующим лицом:

Баю-баюшки-баю,
Баю, Анечку, баю!
Приди котик ночевать,
Мою детоньку качать.
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу:
Дам кусок пирога
И кувшин молока.

А когда Анечка долго не засыпает, баба Лиза делает вид, что сердится, и пробует ее напугать: «Баю-баюшки-баю, колотушек надаю, колотушек двадцать пять, будет лучше Аня спать». Но Аня не боится никаких колотушек и в ответ только улыбается.

Многое из раннего детства забывается, но как когда-то и я купалась в такой же любви, помнится. Помнится, как сладко засыпалось под плавную речь колыбельных песен. Помнится то ощущение покоя, радости, умиротворенности, какое, наверно, может быть только в самом раннем детстве. Кажется, до сих пор летают надо мной те мамнины гули:

Люли, люли, люли,
Прилетели гули,
Стали гули ворковать,
Стали гули хлопотать:
Залетели в уголок,
Зажигали огонек,
Стали кашку варить,
И Кристиночку кормить...

и закрывают меня от всех бед и горестей.

...Вот и въезжаем в город. Улица Советская, наш дом, скрипнули тормоза, бужу Кирюшу: «Мы доехали...»

Набираю бабушкин номер, сообщаю: «Доехали нормально! Спокойной ночи». До свидания, милая бабуля! Неделя пролетит быстро. Не успеешь соскучиться, и снова в доме с резными наличниками, с летом посреди зимы ты обнимешь нас. Мы опять пожалуем за мудрыми уроками, которых и в книгах поискать — не найдешь, за светом, добром, теплом. Нет для нас роднее места, чем у бабушки, как нет для нее дороже лиц, чем наши. «Усалтан тар, ырӑ патне пыр» (Беги от дурного, иди к доброму), — напомним нам снова бабушка Зинаида. Долгих лет жизни тебе, дорогая, веди нас к доброму, оберегай нас от дурного. Пусть твое благословение всегда будет с нами. До свидания!

Алина Иванченко,
ученица 10 класса ГБОУ «Политехнический лицей-интернат»,
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

Из детства дорогие представления...

Размышления о добре и зле на материале сказок нивхов, мари и русичей

Для чего нужны сказки? Почему бы не воспитывать детей по книгам с четко расписанными правилами и указаниями, как следует поступать в тех или иных ситуациях? Но когда хотим преподать ценный урок растущему поколению, мы и по сей день обращаемся к сказочным историям и притчам. Дело в том, что именно сказки в ненавязчивой и интересной для ребенка форме прививают ему нравственные истины, которые так необходимы во взрослой жизни.

Исторически сложилось, что народы не только были обособлены друг от друга в силу географического положения, но и имели свой особенный взгляд на жизнь, свои традиции и веру. И все-таки, несмотря на эти различия, людей объединяли непреходящие ценности: доброта и честность, милосердие и бескорыстие, готовность всегда прийти на помощь и верность слову. Всегда самыми значимыми были семейные отношения. В них на первый план выходили ведение хозяйства, сохранение домашнего очага и уюта, уважение к старшим, воспитание детей. Все эти, казалось бы, простые и очевидные истины нашли отражение в фольклоре народов России.

Как и всем детям, мне тоже родители читали сказки, которые им, в свою очередь, рассказывали их мамы и бабушки. Из душевных разговоров с родителями и сказочного эпоса я узнала многое о культуре, жизни и морали своих предков. Вот еще одно ценное свойство сказок — они связывают не одно поколение. Прочитанные родителями легенды и предания позволили мне соприкоснуться с нравственными истоками моего рода, который исторически связан с казачеством. Отец мне рассказывал о храбрости и силе донских казаков, а мама раскрывала восточный менталитет через сказки народов Казахстана. И сейчас, уже повзрослев, я понимаю, что учили они меня одному и тому же — нравственности. Этому находится простое объяснение: представления о добре и зле у всех народов поразительно одинаковы.

Особый интерес у меня вызывают сказки народов Дальнего Востока, которые на удивление схожи со сказками народа мари. Дело в том, что вскоре после моего рождения моя семья из Республики Марий Эл переселилась в Хабаровский край, богатый культурой северных народов. В силу суровых природных условий здесь особо значимы выручка, дружба, семейная поддержка (человек просто не мог прожить здесь в одиночку!). Люди Дальнего Востока уделяли огромное внимание проявлению доброты к ближнему. В фольклоре нивхов, проживающих на территории полуострова Сахалин, мы можем наглядно увидеть Добро и Зло в бытовой жизни. Да, именно в бытовой. Сказки этого народа отличаются своей правдоподобностью и реальностью. В них мало магических персонажей и небывалых существ. Именно эта приближенность к обыденной жизни привлекает мое внимание к фольклору нивхов и истории этого народа, на сегодняшний день насчитывающего всего 3 тысячи человек. Бытовая жизнь нивхов тесно связана с природой, и образы животных органично соединяются в художественной ткани произведения с образами людей. (А народ мари и до сих пор неразрывен с природным миром. В священных березовых рощах устраиваются

языческие моления; родоновые воды озера Яльчик и минеральная вода родников — целебны.)

Изучая и осмысляя нивхские сказки, можно заметить, что, как и многие другие народы России, нивхи часто уподобляли человеческие качества каким-либо проявлениям природного мира. Так, с образом лебедя, величественной и грациозной птицы, отождествлялась чистая и нетронутая пороками душа. Чаще всего это — детская душа или душа юного влюбленного. Дети приходят в наш мир невинными, со светлым сердцем и открытой душой, поэтому мотив лебедя связан именно с ними. Однако чистота и внутренняя красота женщины также нашли свое отражение в белоснежных и воздушных крыльях лебедушки. Лебедь и в современной культуре — символ красоты, любви и верности, но истоки этой символики, безусловно, восходят к народным представлениям. (Примечательно, что в народном марийском танце движения рук у девушек очень плавные, словно медленные взмахи лебединых крыльев.)

А что является злом? По народным представлениям, это — проявление эгоизма, алчности, лени, жестокости по отношению к семье, соседям, природе. Нивхи обличают зло в образе жестокой и несправедливой мачехи, которая зачастую недолюбливает свою падчерицу или пасынка и обходится с ними бесчеловечно.

Сказка «Кыкык» рассказывает о маленькой девочке, которая рано осталась без матери. «Отец привез красивую женщину с черными соболиными бровями и ресницами, похожими на кисточки ушей зимней белки, с толстыми, подобно хвосту чернобурой лисицы, косами». Однако красота для нивхов не главное, она не является отражением души. Обладая прекрасными внешними данными, человек может быть злым, жадным, жестоким. Именно такой и была мачеха девочки. Стоит отметить, что в древности народы жили по определенным традициям и многовековым устоям: отец был кормильцем и добытчиком для семьи, мать сберегала домашний уют, готовила еду и воспитывала детей. В сказке «Кыкык» мачеха не выполняет свою столь важную семейную роль. Она долго спит, не ведет хозяйство и совсем не заботится о падчерице. «Девочка встала с восходом солнца и пошла на берег залива играть с волнами. Она играла долго, а когда солнце высоко поднялось над лесом, побежала домой завтракать. Вошла в дом и увидела: мачеха еще спит. Девочка тихо вздохнула, вернулась на берег и снова стала играть... Так настали для маленькой девочки тяжелые дни. Отец добывал много зверя и дичи. Приходил домой только для того, чтобы принести добычу, и снова надолго уходил в тайгу. Все вкусные куски мачеха съедала сама».

Прослеживается особенная связь ребенка с природой. Девочка играла с волнами на берегу моря, смотрела на парящих в небе лебедей. «Она очень любила играть на ровной песчаной косе: с утра до вечера рисовала прутиком разные узоры, строила из песка маленькие домики. Еще она подолгу любовалась красивыми птицами, которые, как молчаливые белые облака, проплывали над ее стойбищем. Девочка ложилась на теплый песок и смотрела вслед стаям до тех пор, пока они не исчезали вдаль». Природа заменила ей дом. Она и была настоящим ее домом и ее миром. Именно природа подарила девочке ласку, заботу и любовь, которые не давала ей мачеха. Но самое главное — природа приняла девочку в свое «царство», спасла ее от несчастной жизни. Те самые благородные и величественные лебеди откликнулись на плач девочки, на ее беду. «У девочки совсем стянуло животик. Голод так сосал ее, что она протянула руку за розовым кусочком. Когда ее рука дотронулась до юколы, мачеха ударила по ней острым ножом. Кончики пальцев так и остались на столе. Девочка убежала на теплый песчаный бугор, стала громко плакать. Из пальцев струйками стекала кровь. Девочка всхлипывала:

— Кы-кы, кы-кы!

В это время над заливом пролетали лебеди. Они услышали голос плачущей девочки и сделали круг. Потом сели рядом с ней, окружили ее и принялись разглядывать. Когда они заметили, что из ее пальцев струится кровь, им стало очень жалко бедную девочку. Жалость птиц была так велика, что у них на глазах выступили слезы. Лебеди заплакали молча. Слезы росинками капали на песок. И там, где сидели лебеди, песок от слез стал мокрый. Большие белые птицы плакали все сильнее и сильнее, и вдруг у них пробился голос:

— Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Услышав их голоса, отец девочки выбежал из дому, увидел, что его дочь окружили лебеди, бросился за луком и стрелами: хотел убить больших птиц.

Лебеди взмахнули крыльями. В тот же миг и у девочки из плеч выросли крылья — она превратилась в стройную лебедь с красными лапками.

Когда охотник выбежал из дому, стая лебедей уже поднялась в небо. В самой середине стаи летела молодая птица. Все лебеди кричали:

— Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Только молодая птица молчала».

Дети обладают светлым и добрым сердцем, они находятся в очень тесной связи с природой, отчего их душа напоминает белогрудых лебедей. Поэтому плач девочки созвучен с криком птиц. Именно среди вольных, милосердных лебедей чистая и невинная душа ребенка, к которой отнеслись жестоко и несправедливо, обрела свое место.

Схожая по сюжету и нравственному уроку сказка есть и у народа мари. В «Белой лебедушке» рассказывается, как злая мачеха невзлюбила своего пасынка Тойдемара: «День и ночь заставляла его гнуть спину на тяжелой работе». Как и девочка из нивхской сказки, он тоже нашел свое утешение в матушке-природе: «За обидами да попреками только и помнил он, как всходы зеленым ковром взошли, как летом, перед грозой, бушевало его поле тугими волнами, а потом золотым чубом кланялся ему овес, благодарил за уход, за заботу...» И так проходили тяжелые дни Тойдемара, но однажды он поймал лебедушку — «на лапке у нее алела кровь». И снова два отдаленных друг от друга (географически, но не нравственно!) народа — мари и нивхи — сходятся в своих представлениях о добре и его сущности. В обеих сказках лапки лебедя — кровавого цвета. Это объясняется глубокими ранами их благородной и неоскверненной души. Поэтому обиженная нивхская девочка превратилась в молодую птицу с красными лапками. Эта история северного народа стала красивой легендой о возникновении редкого лебедя с красными лапками. «Говорят, раньше лебеди были немymi птицами, и лапки у всех были черными. Теперь всякий знает, что они кричат "кы-кы, кы-кы", за что и получили название "кыкык", и лапки у многих — красные».

В мариийской сказке говорится, что лебедушка обратилась в «девицу-красавицу с длинной косой». «Взял Тойдемар ее за руку и сказал:

— Не гневайтесь, матушка и родимый батюшка. Благословите нас... Мачеха будто язык прикусила...» Но девушка-лебедушка не смогла долго жить на земле со злой свекровью-мачехой, которая и ее невзлюбила: «То и дело понукает. С утра до вечера молодая жена не разгибает спину. Но не работа мучит девицу, а обида». В обеих сказках людская и небесная среда находятся в контрасте между собой. Небо представлено как освобождение и обретение свободы от земной, полной жестокости и несправедливости жизни. Поэтому девица-краса вновь обращается в белую лебедушку, а с ней и ее молодой супруг Тойдемар становится свободной и гордой птицей. Они улетают вместе со стаей белоснежных лебедей в лучшую и счастливую жизнь. «Взмахнула крыльями Лебедушка и полетела. И так захотелось ему улечь вместе с ней, что он горько заплакал. Услышали лебеди, вернулись, сбросили по перышку — и вдруг желание

Тойдемара исполнилось: он превратился в белоснежного лебедя. Высоко поднялась лебединая стая и тут же растаяла в облаках».

В русских народных сказках понятия о Добре и Зле также тесно связаны с семейными взаимоотношениями. Семья играет роль незаменимого защитника от темных и злых сил. Любовь и забота прочно оберегают семейный очаг от вмешательств колдовства и злой магии. Поэтому отклонение от «семейной нормы» сулит несчастье и плохие события. Так, потерявший мать ребенок будет страдать от тягот жизни с алчной и злой мачехой («Морозко», «Крошечка Хаврошечка», «Мать и Мачеха»). Раскол между членами семьи также послужит причиной череды несчастий и невезений («Иванушка-дурачок»). Традиционная русская семья, как и любая другая, не может существовать без уважения и почитания старших. Человек, послушавшись родителей, обрекает себя на заведомо ошибочный жизненный путь, поэтому словам матери и отца нельзя идти наперекор. Забывчивость и послушание родительских наставлений влечет за собой наказание злыми силами. Так, например, в сказке «Гуси-лебеди» рассказывается, что из-за легкомыслия Машеньки, небрежного выполнения поручения родителей (не уследила она за братцем, пошла с подружками гулять) злые помощники Бабы Яги украли маленького братца Иванушку. Интересно отметить, что в данной сказке стая птиц не символизирует Добро, а наоборот, способствует и помогает Злу, поэтому птицы здесь не лебеди, а гуси-лебеди. Девочка совершила ошибку, но она сможет ее исправить, так как ей дорог братец, ради него и восстановления благополучия в семье она готова преодолеть испытания и невзгоды. Героиня сказки обладает добрыми качествами, поэтому у нее все получится. Добро в русской сказке представлено, как и в нивхской («Горная красавица»), силами природы: это и яблонька со спелыми плодами, и реченька с прозрачной водицей, и ежик. Важна также печь — сакральный центр дома, не зря Машенька, обращаясь к печке, говорит: «Печка-матушка, спрячь меня» — так показано отношение народа к печи. Ее сравнивают с матерью, самым дорогим человеком. «Печь-матушка» дарит тепло, защиту, с ней не страшна беда. Машенька любит и уважает свою семью, поэтому вызволяет Иванушку из логова Бабы-Яги, в этом ей помогают силы Добра.

Идея неразрывной связи семьи и формирования представлений о добре и зле прослеживается также в сказке нивхов «Недобрая Ладо». Название уже говорит о злонравии и недобрых качествах характера главной героини. Как и в других уже рассмотренных нами сказках, сущность Зла выражается через безделье, непочтение к родителям, эгоистичность. «Ничего Ладо делать не умела. Не хотела мать, чтобы у Ладо были руки грубые: огонь дочь не разводила, дров не рубила, рыбу острогой не била, весла в руках не держала, шкурок не выделявала Ладо. Не хотела мать, чтобы у дочери глаза покраснели от работы: не вышивала дочь халатов шелками, не сшивала шкурок, не подбирала олений волос для вышивки. До того дошло, что Ладо даже теста замесить не умела, не умела лепешек испечь. Ничего Ладо делать не умела».

Примечательно, что нивхи мудро подходили к вопросу о красоте. В их понятии она не стоит в одном ряду с Добром, как, например, отзывчивость, милосердие и трудолюбие. Поэтому зачастую отрицательные герои предстают перед читателем с прекрасным лицом, безупречной фигурой. Внешняя красота Ладо противопоставляется ее внутреннему миру. «Лицо у нее широкое, белое, как полная луна; глазки, как черная смородина; щеки розовые, как багульник весной; губы, как спелая малина; стройная Ладо выросла, как цветок сараны. Вот какая красивая!» Из-за чрезмерной опеки матери Ладо стала эгоистичной и высокомерной. Она была недовольна всем! Ее не устраивали молодые люди, которые к ней сватались: «Отойди от меня ты, зверем пахнувший! Как буду с тобой жить? О твои шкуры все руки исколю; отойди от меня, ты, рыбой пахнувший! Как с тобой буду жить? Вечно мокрая ходить буду; отойди от меня ты, собакой пахнувший! Как с таким жить буду? Твоих собак кормя, все ноги свои

истопчу...», — говорила она им. Потом и мать с отцом стали вызывать у нее раздражение: «Прогнала Ладо женихов, а потом и родители ей не милы стали. Дуется Ладо: почему на матери некрасивый халат надет, почему отец мокрый с рыбной ловли пришел? Все не по ней». Ладо решает покинуть родной дом, отказаться от своих родителей, тем самым совершает страшный грех. «Оглянувшись вокруг — все ей нехорошим кажется: и грязно, и дымно, и люди некрасивые. Посмотрела вверх, видит — лебеди летят. Перья на них — будто чистый снег, блестят. Летят лебеди неведомо куда, от зимы улетают. Закричала тут Ладо: «Через спину перекачусь, заплачу, белым лебедем стану! С лебедями полечу в неизвестные края, чистых людей искать буду! Другую мать найду!» Через спину перекатилась. Белоснежными перьями покрылась, в воздух поднялась на лебединых крыльях, полетела. Заплакала мать, закричала, дочь свою звать стала. Даже не оглянувшись недобрая Ладо на мать».

Да, действительно, Ладо, отказавшись от матери, обрекла себя на несчастную и мучительную жизнь. Стая белоснежных лебедей не приняла ее к себе: «Не расступились лебеди, в стаю не пустили Ладо. Захлопал крыльями вожак, говорит: «Как можно другую мать найти? У человека только одна мать. Другой — нет!» Устами лебедя-вожака нивхский народ передал одну из главных жизненных истин: не будет добра тому человеку, который обижает мать и отказывается от нее. Недобрые поступки mnoжат зло, об этом говорится в нивхской пословице: «Кто с горы катится, тот с собой и камни скатывает».

Ладо, конечно, не нашла себе другую мать, она не нашла и счастливой жизни. Прошли годы, прежде чем девушка поняла, что она сделала, но, к сожалению, было уже поздно. «А мать все плачет, все на небо смотрит, все в ту сторону смотрит, куда Ладо улетела. Все в небо мать смотрит, даже про огонь в очаге забывать стала. Стал огонь гаснуть и погас совсем. Ушел огонь из дома. Ушла жизнь из дома. Умерла мать Ладо». Девушка была вынуждена странствовать по небу в облике лебедя. Одиночество и скитания стали ей наказанием. «Вьется Ладо в небе, плачет. Не может девушкой обернуться... Целое лето летала над родной деревней Ладо — все ждала, когда мать из дома выйдет, ее встретит. Так и не дождалась. Когда холодный ветер с Амура повеял, улетела Ладо в теплые края. С тех пор каждую весну прилетает она, кричит, мать свою зовет — и не дозовется».

Сказка — своеобразный нравственный учитель. Она дает наставление как детям, так и родителям в вопросах воспитания. В сказке «Недобрая Ладо», на мой взгляд, выражена философская мысль: «Цени то, что имеешь». И конечно, сказка доказывает невозможность существования счастливой семьи без добрых отношений, трудолюбия и уважения к старшим, а также утверждает необходимость должного воспитания. Не изнеженность и лень, а трудолюбие — основа формирования будущей доброй хозяйки и заботливой женщины. А мудрость родителей состоит в действенной любви, а не в ограждении своего чада от забот.

В заключение хочется еще раз с благодарностью вспомнить наши семейные вечера, чтение и рассказывание сказок, поистине национального достояния народов, кладезь мудрости и нравственных уроков. «Сказка — ложь, да в ней — намек, добрым молодцам урок», — говорил великий Пушкин. Именно из сказок я впервые узнала о Добре и Зле, стала учиться хорошему и избегать плохого. Нередко на трудные жизненные вопросы мне помогали найти ответы простые народные сказки. В фольклоре каждого народа заключены одни и те же истины. В этом мы убедились, сравнивая сказки нивхов, мари и русичей.

Раушан Гайнуллин,

ученик 10 класса ГБОУ «Лаишевская школа-интернат для детей с ограниченными возможностями здоровья», г.Лаишево, Республика Татарстан

По направлению к Милосердию, Мудрости и Красоте

Произведение национальной литературы, по которому я бы снял фильм

Не найдя смысла жизни
Появляется слепота...

Уважаемый читатель, если речь заходит о съемках фильма, то я бы, конечно, снял фильм по произведению татарского писателя Шарифа Еникеева «Судьба Солтангарея». Почему именно фильм? Да потому, что это произведение читается не только как художественная книга, а как завораживающая история, воспроизведшая психологию слепого человека.

Автор, как человек, потерявший зрение в раннем возрасте, досконально, детально описывает переживания и чаяния своего героя, как будто это его личная автобиография. Это его крик души, информация, не доступная для большего слоя населения не из-за того, что люди не хотят знать об этом, а из-за того, что эта тема недостаточно освещена.

С целью ознакомления людей с проблемами социализации и интеграции людей с ОВЗ в общество я и предлагаю снять фильм по этому произведению, потому что кино смотрят больше людей, чем читают книги (очень жаль).

В произведении через образ главного героя писатель показал стремление к своей мечте и как он вместе со своим героем тоскует по целостности человеческого существования. Он показывает, как человек с ограниченными возможностями здоровья становится личностью.

Произведение построено на образе мальчика, который в силу жизненной ситуации остался сиротой и, наконец, ослеп. Его тяжелый жизненный путь в адаптации к миру можно сравнить с рождением нового человека, человека, который родился в кромешной тьме, что и является сюжетом произведения. Это повесть о том, как через стремление стать независимым от окружающих, найти и понять смысл своего существования рождается личность.

После потери зрения мальчик шаг за шагом постигает мир через звуки, остаточные воспоминания. Он постепенно изучает психологию людей. На протяжении всего произведения его сопровождают такие понятия, как красота, добро, любовь к природе.

В разных жизненных ситуациях люди по-разному выявляют свою сущность: некоторые — как Кадыр (Крючок), стремящийся к лучшему, стремящийся к знаниям, труду, а некоторые — как Иван, погубивший себя сам. Я хочу привести одно его высказывание, которое, по моему мнению, полностью охарактеризовывает его: «Глаза, говоришь? Глаза не только тебе, глаза и зрячим нужны. Зрячие, они ведь тоже не видят. Что ни прикажут им, они выполняют. Как бараны, выполняют. Кто им глаза раскроет? Есть ли сила такая? Не знаю. Я конченный человек! Я сам слепой».

Солтангарей же пошел по своему пути, ему свойственны разочарования и обиды, он находил воодушевление и утешение, прошел через унижения и оскорбления, но не потерял своей человечности.

Долго Солтангарей был поглощен своим горем, долго искал он, сам того не

понимая, свое назначение в жизни, и, наконец, главное его желание — быть независимым от окружающих — сбывается.

К сожалению, не сбылась эта мечта у его отца — Батыргаря, который в силу жизненных ситуаций сначала остается сиротой, потом работает на Хасана, который, когда Батыргарей потерял здоровье, выгнал его, не заплатив за его 12-летний труд. Только большая любовь помогла ему соединиться с Зайтуней, которая, к сожалению, умирает, оставив сына сиротой. И опять Батыргарей возвращается в свое село и нанимается работать пастухом. Где безвинно погибает.

Вроде бы Солтангарею уготована та же участь — зависеть от людей, от подаяния. Эта сюжетная линия добавляет яркости в рассказ, делает его более полным.

Через сострадание к другим Солтангарей понимает, что он не один несчастный в этом мире. Просто есть разные стороны несчастий. Как в случае с Иваном — это зависимость от наркотиков, с Золейхой — сиротство и ужасное отношение к ней ее мачехи. В любых ситуациях в нем живет надежда на лучшее, он умеет учиться новому, что у него хорошо получается. Он, подобно птице Феникс, сгорает и возрождается, с каждым разом становясь лучше.

Семейная жизнь с Золейхой, получение образования и рождение детей и, наконец, возвращение ему зрения — все это стало для Солтангарея вознаграждением за его тяжелые и болезненные искания.

И этот фильм должен показать, что не надо обвинять окружающих в своих бедах, перекладывать ответственность на других, может быть, стоит более критично относиться к самому себе. Что рядом должны быть люди, которые могут в трудную минуту прийти на помощь, оказать поддержку, показать, что они и есть направление, где есть Милосердие, Мудрость и Красота. Этот фильм должен пробудить интерес людей к самим себе, к окружающим, помочь сохранить самое ценное, чем обладает человек, — человечность.

*Сценарий фильма «От чистого сердца»
по книге «Судьба Солтангаря»*

*Посвящается моим родителям, которые в самые трудные моменты
моей жизни были и остаются со мной,
которые вовремя прочитали мне эту книгу*

Погожий солнечный день. По дороге бежит мальчик лет двенадцати, задыхается, за ним бегут четверо подростков, у них в руках палки.

Мальчик вбегает на стройку, за ним, не отставая, четверо подростков.

— Что — попался, Ильяс! Скажи, что откажешься от Маши!

Подростки теснят мальчика к проему.

— Не-ет!

Ильяс прыгает.

Темнота. Звук сирены скорой помощи.

Больничная палата. Ильяс лежит с забинтованными ногой, рукой и головой. Нога на вытяжке.

Разговор мамы с врачом.

— Нам главное спасти мальчику ногу. Очень сложный перелом. Придется провести много времени в гипсе.

Мать плачет. Заходит к сыну.

— Сынок, как ты?

Ильяс, не открывая глаз:

— Больно.

— Все у нас будет хорошо. Доктор сказал, ты поправишься. Сынок, может, откроешь глаза, посмотри, я твои любимые яблоки принесла.

— Яблоки? — пытается открыть глаза. — Больно.

Разговор матери с доктором.

— Доктор, что у сына с глазами?

— Следствие черепно-мозговой травмы. У ребенка может развиваться слепота...

Надо ребенка готовить психологически.

Мать плачет.

Через некоторое время. Та же палата. Мать вслух читает книгу «Судьба Солтангарея».

«— Вставай, сынок, пора!

Да где уж там! От прикосновения теплой отцовской ладони Солтангарею еще больше захотелось спать....»

— Мам, а зачем они так рано идут в поле?

— Чтоб коровки травку ели и молока побольше давали.

— Он отцу помогает. Это их работа. За это им деньги платят.

Продолжает читать.

«— Папа, солнце встает, солнце! — радостно закричал он, вбегая в дом».

Ильяс плачет. Мать утешает его.

— Что такое, почему плачем?

— Мама, а я смогу увидеть солнце?

— Конечно, сынок. Медицина ведь не стоит на месте.

Отец разговаривает с врачом, врач говорит, что готовит мальчика на выписку.

— А как же глаза?

— К сожалению, в настоящее время надо проходить много обследований и лечений. Я надеюсь, что зрение к мальчику вернется.

Отец заходит в палату:

— Ну что, богатырь, пошли на выписку!

Возникают строки из книги: «Не на шутку рассердившись, Батыргарей абый шумел и ругался, но внезапно притих. Он понял, сколько ни ругай двенадцатилетнего мальчика, делу не поможешь, корову не найдешь. Ему стало жаль сына. — Ну а провалилась, так тому и быть, значит. От своей судьбы не уйдешь». Ильяс думает: «Надо же было пропасть именно корове Хасана. Ну и скверный же этот человек, Хасан. Сам продал мясо своей коровы, сам еще и обвиняет пастухов».

Ильяс дома, лежит с загипсованной ногой, бредит. Ему снится сцена из книги, где Батыргарей с Солтангареем приходят к караулке, где Хасан мстит Батыргарею за Зайтуну, убивает его, калечит Солтангарея. Подходит к нему мама, нежно будит его, промачивает пот, выступивший у сына на лбу.

— Мама, а почему никто не заступился за Солтангарея? Почему Хасан бай такой злой?

— Потому что в жизни есть место несправедливости.

У Ильяс срослись кости. Но встать он не решается. И вот когда все ушли на работу, он встает и не знает, куда идти. Вспоминаются строки из книги: «Когда никого не было дома, он потихоньку стал осваиваться внутри дома. Сначала ему было очень трудно: он постоянно натывался на что-либо, ударялся, пока хорошо не изучил, где дверь, где печка, где окна... Постепенно мир мальчика стал расширяться... Его глазами стали теперь руки...» Ильяс вытянул вперед руки и продвинулся вперед. Наткнувшись на стул, он опять останавливается и вспоминает: «надо считать шаги».

Вернувшись на свое место, он присел и пошарил руками вокруг.

— Вот стул, на нем стоят вода в чашке и фрукты, которые оставила мама на случай, если проголодаюсь. Вот полотенце, если надо будет, — какое оно мягкое. Впереди ничего нет. Так откуда же взялся этот стул, который остановил меня?

Ильяс встает, протягивает руки и нащупывает стул — «ага, вот он». Обойдя стул, он продвигается дальше. «Где же это дверной проем?» Не найдя его, он возвращается обратно. Как долго тянется день, когда себя занять нечем!

«Целыми днями мальчик лежал без движения. Это измучило его, ему хотелось вскочить, выбежать на улицу и пройтись по деревне в хрупкий рассветный час, играя на рожке, как раньше, когда был подпаском.

И то, что казалось ему раньше трудным, казалось теперь привлекательным...»

Пришла мама, в доме стало как-то тепло и уютно.

— Привет, как дела?

Ильяс заплакал.

— Ну что ты, что ты, — мама присела рядом, обняла его. — Все у нас будет хорошо, вот собираем документы, чтобы ехать в клинику на обследование.

— Мам, а еще долго ждать?

— Нет, сынок, неделю-другую — и поедем.

Ильяс еще не знал о финансовых затруднениях семьи.

Позвонили в дверь, мама открывает дверь, послышалось:

— Здравствуйте. Можно пройти к Ильяссу?

Кто бы это мог быть? Очень знакомый голос.

— Здравствуй, Ильяс.

— Здравствуй, Луиза.

Это была его одноклассница — Луиза. Ничем не примечательная девочка, на нее никто в классе не обращал внимания. Не то что на Машу. Как же она выглядит? Ильяс не помнил этого, а ведь целых пять лет учились в одном классе!

— Вот, пришла навестить тебя после школы. Знаешь, у нас в классе такой переполох, такой переполох случился, как узнали, что с тобой случилось. Мальчишек этих все осуждают, на учет поставили!

Она без умолку говорила о новостях в классе, о том, кто что сказал, куда пошел. А Ильяссу было неловко оттого, что он раньше не обращал на нее внимания, и оттого, что он выглядел таким беспомощным!

— Ну вот, кажется, все рассказала, я к тебе в следующий раз зайду. До свидания.

Голос за кадром:

«Поправлялся он очень медленно.

Иногда, не выдержав лежания, пробовал вставать, но тут же со стоном падал: ломило спину, ноги, руки, ныло все тело. И только доброта людей, навещавших его, неутомимые хлопоты старой Сахипжамал помогали ему иногда забыть о себе.

Он подружился с маленькой Золейхой. Раньше он никогда не водился с маленькими, тем более с девочками....

И вдруг сейчас оказалось, что маленькая Золейха стала для Солтангарея очень нужным человеком».

Луиза приходила еще не один раз.

— Представляешь, сегодня Саша на уроке литературы свалился со стула, ну и грохот был! А Гена получил двойку по географии! Сегодня отменили урок английского, англичанка на семинар какой-то ушла, и мы всем классом в кино слиняли... Ой! Я что-то не то ляпнула. Прости...

Ильяс ходит по комнате, идет на кухню, самостоятельно наливает воды из крана. Умывается.

- Сынок, иди кушать, — зовет мать.
- Иду, — отвечает Ильяс. Садится за стол, нащупывает ложку, кушает.
- Мам, а что это у тебя настроение такое хорошее?
- Завтра, сынок, мы едем в клинику.
- Урааа!!! Наконец я буду видеть!

Голос за кадром:

Прошел месяц после возвращения его из клиники. Прогноз неутешительный — «пока медицина бессильна».

— Папа, я ведь все равно должен учиться. Есть ведь специальные школы, где обучают таких детей, как я!

— Давай, сынок, сначала попробуем обучиться работать на компьютере.

И началась для Ильяса новая жизнь с компьютером. Он целыми днями учился работать на клавиатуре, набирать тексты, слушать аудиокниги, которые ему были так необходимы. Теперь уже не надо было ждать родителей, чтобы ему почитали. Перед Ильясом открывался новый, увлекательный мир книг.

— Скоро первое сентября. У тебя будет новая школа. Там учатся такие же дети. Ты ведь хотел научиться системе Брайля

— Как меня встретят? Какие будут учителя? Найду ли я здесь новых друзей? — делился он с Луизой.

— Добрый день, дорогие ученики! — по микрофону обращается директор школы.

— Мама, какой громкий и в то же время нежный голос! Должно быть, она добрая, — говорил Ильяс маме.

— Поздравляю вас с новым учебным годом!

Все принимали поздравления, говорили и бывшие ученики, и будущие выпускники.

Вот линейка закончилась, и родители повели его в класс. Он познакомился со своим классным руководителем. Ее звали Нелли Ахметовна.

— Ну, здравствуй, Ильяс. Здесь будет твой класс. Ребята познакомят тебя со школой, а мы поближе познакомимся с твоими родителями. Ребята, кто готов помочь Ильясу?

Послышались голоса нескольких мальчиков.

— Никита, помоги однокласснику. Иди, Ильяс, а родители тебя здесь подождут.

— Иди, сынок, иди, — слышались голоса родителей.

К нему подошли ребята, кто-то взял его за руку,

— Я Никита, будем знакомы. — Он положил его руку себе на плечо. — Пошли за мной.

Как легко было идти за Никитой, он шел медленно, но уверенно.

— В нашей школе два этажа, на первом этаже находятся кабинеты директора,

завучей, столовая, спортзал, кабинеты ЛФК и другие. А вот учебные классы находятся на втором этаже.

- А школа большая? — спросил Ильяс.
- У нас учатся более 100 человек!
- А это много?
- Если в классе по 12 учеников — считай сам!
- Так мало?!
- Это не мало, потом сам поймешь.
- Саша, а ты видишь?
- Ты в смысле — зрячий ли я? У меня остаточное зрение.
- То есть?
- Я вижу свет.

На этом он остановился и повернулся:

- Мне сказали, что ты незрячий?
- Да, я потерял зрение, но говорят, можно вернуть.
- Они все так говорят. Ты больно-то не надейся, — сказал Саша с горечью.

Ильяса обучают системе Брайля:

— Вот 6 точек, из них мы будем составлять слова, — говорит учительница. — Это прибор и грифель, при их помощи мы будем писать.

Голос за кадром: «На первом уроке учитель познакомил слепых с предметами, необходимыми для письма. Ими оказались железная дощечка в мелких дырочках и маленькое шило, выполнявшее роль грифеля. Железная дощечка была побольше тетрадного листа и состояла из двух пластинок. Верхняя пластинка представляла собой решетку из одинаковых прямоугольников, расположенных ровными рядами...

Учитель раздал несколько листков с бугорками наколов. Дал он своим ученикам и целую книгу с такими же страницами».

- Представляешь, Никита, я думал, когда читал книжку, какие бугорки, какие дыры, а тут, вот они — буквы! Какой все же умный был этот Брайль.
- Да среди незрячих не только один Брайль умный, знаешь, сколько их!
- Тебе придется навестывать, не радуйся раньше времени.
- Смог же Солтангарей за 2 месяца научиться читать и писать. И я научусь. Я же не Кадыр, который не чувствовал этих дырочек-бугорков, хотя у него многое что другое получалось.

— Ильяс, а что ты всегда вспоминаешь про какого-то Солтангарея? Это ваш родственник?

- Представляешь — это книга.
- А как называется?
- «Судьба Солтангарея».
- Дашь почитать?
- Мне ее читали... в самом начале... Не знаю, есть ли по Брайлю. Надо в библиотеке спросить.

RS. Через два года, после неоднократных операций, Ильяс стал видеть и стал ходить в обычную школу. С Никитой он продолжает дружить, а с Луизой дружит повзрослому.

В артисты я бы предложил учеников и учителей нашей школы.